

Салма Кальк

Музей магических
артефактов

16+

Салма Кальк

Музей магических артефактов

«Автор»

2021

Кальк С.

Музей магических артефактов / С. Кальк — «Автор», 2021

Хорошо быть попаданкой, когда ты – отличный повар. Или высококлассный портной. Или хотя бы умеешь лечить людей, или учить детей. А если всё, что ты знаешь и можешь, это учёт, хранение, экспозиция и, прости господи, реставрация, потому что всю жизнь проработала в музее? И домашнее хозяйство, куда ж без него. Значит, будем учитывать, хранить, реставрировать и экспонировать. Но сначала – наведём порядок! Разбегайтесь, бездельники, тётушка Рита пришла!

Содержание

Пролог. Средоточие путей, узел интересов	5
1. Не бегайте за чужими котами	11
2. Ну и хламовник	14
3. За дверью	17
4. Нам без вас плохо	20
5. Валик, да веник, да сто рублей денег	23
6. Что такое мне досталось	26
7. И никаких инструкций	29
8. Утро в деревне	32
9. Непредвиденное обстоятельство	35
10. Объяснения	39
11. Навстречу приключениям	43
12. Фарфоровые куклы	47
13. Что потопаешь, то и полопаешь	51
14. Ленты, иголки, булавки, тесьма	54
15. Удивительная гостья	58
16. Что-то отдать, что-то приобрести	62
17. Проблески порядка	65
18. Легко ли одеть даму	68
19. Преображение	71
20. Насущные нужды	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Салма Кальк

Музей магических артефактов

Пролог. Средоточие путей, узел интересов

– Что же, ваша милость, вы и впрямь желаете приобрести имущество в нашем департаменте?

– Всё верно, желаю. Для моих целей подойдёт любой заброшенный старый дом, я ищу тихого и уединённого места. И если вы подберёте мне что-то подобное, ваша комиссия составит пятнадцать процентов от сделки.

– Очень рад это слышать, но – понимаете, будет непросто. Вы уверены? Здесь до сих пор ещё сохранились непроходимые леса, и в здешних горах тоже есть такие тропы, в которых ориентируются только местные уроженцы.

– Это же замечательно, дорогой господин Руа! Вот и подберите мне такой домик, можно старый замок, если у вас здесь есть, который расположен в глуши и найти который смогут только местные уроженцы.

– Но... – господин Руа, невысокий плотный плешивый мужчина в клетчатом сюртуке, внимательно оглядел собеседника, – не желаете ли вы сказать, что у вас проблемы с законом? Мы здесь живём тихо и уединённо, и нам, понимаете, не нужно пристальное внимание властей к нашим повседневным делам.

Собеседник господина Руа был мужчина хоть куда – покрой его сюртука выдавал знакомство с последней столичной модой, тонкая шерстяная ткань определённо стоила немалых денег, и шил сюртук с панталонами отличный портной. Жилетка из узорчатой ткани, цепочка от часов чистого золота, не иначе, а шелковый галстук заколот булавкой с изумрудом. Панталоны заправлены в сапоги из мягчайшей кожи, цилиндр шёлковый, а дорожный плащ из мягкого сукна. Здесь, в лесистых предгорьях, так не одевались даже заправские щёголи. И сам тоже приметный – высок, плечист, чёрные волосы с проседью, руки нежные, как у девицы, но сильные – господин Руа видел, как прищелец управлялся с норовистым конём.

Приезжий гость внушал подозрения, и немалые.

С другой стороны, если он придёт с тем же предложением к кому другому, например – к дядюшке Марсо, владельцу единственной в городке гостиницы, тот не откажется, и обещанная сумма достанется ему, а вовсе не Жермону Руа. А у дядюшки Марсо только тётушка, и больше никого, потому что два сына разъехались далеко, а дочка замужем аж в Массилии. А у него, Жермона Руа, – два сына и три дочки, всё ещё при родителях. И сыновей нужно учить, а дочерям давать приданое, а в Верлене в целом не развернёшься – очень уж небольшой городок. Так что никак нельзя упускать такого выгодного посетителя.

– Понимаете, господин...

– Джилио, граф Джилио, любезный господин Руа.

– Так вот, господин граф, во всей нашей округе есть только один... одно место, которое вам может подойти. Но приобрести его будет непросто.

Точнее, невозможно, но откуда об этом знать приезжему?

– И в чём же... непростота?

– Понимаете, это заколдованный дом с давней и запутанной историей. Найти действительного владельца – нелёгкая задача.

– Но мне рекомендовали вас как человека ловкого и знающего, – усмехнулся граф Джилио.

- И это так, но... я не маг, понимаете. Вот, скажем, вы маг?
- Что вы, кто ж признается-то, что он маг? – снова усмехнулся граф.
- Некоторые осмеливаются. Идут на государственную службу и благодевают.
- Я не интересуюсь государственной службой, – улыбнулся приезжий. – Но готов хорошо заплатить за решение моих частных вопросов. Или вы считаете, что пятнадцати процентов недостаточно?
- В нашем случае – определённо недостаточно, – господин Руа вздохнул и устался в пол.
- Двадцать пять вас устроит? И без лишних вопросов.
- Договорились, господин граф. Двадцать пять, и без лишних вопросов.

* * *

Филипп брёл по лесной тропе из последних сил. Тропа спускалась с горы в долину достаточно круто, а он очень, очень устал, и поэтому то и дело падал, когда ему под ногу попадался камушек или ветка, и катился вниз. Но он знал, что ему нужно спуститься, и там, внизу, его ждёт надёжное убежище. Такое, где его не найдут и не смогут преследовать и где он сможет отлежаться или отсидеться, прежде чем двигаться дальше.

Филипп уродился магом, и только потому, что маги в целом сильнее и здоровее обычных людей, он до сих пор был жив, не слишком истощён и вообще мог двигаться. Обычный человек уже бы лежал где-нибудь под кустом или в горной расщелине. А его вела надежда на то, что впереди крыша над головой, и там есть что-нибудь съестное, и не только съестное, а ещё и магическое – чтобы восстановить силы.

А силы ему были очень и очень нужны... Даже если и не удастся добиться справедливости, то хотя бы сохранить жизнь. Для начала.

Он в стотысячный раз запнулся о корень, не удержался на ногах и покатился вниз, задевая низкие ветки деревьев и колючие кусты. Врезался в толстый ствол, затих. Сознание на некоторое время ушло, и в бреду ему мерещились голоса.

- Ты перейдёшь через горы и найдёшь Последний Приют.
- Там никто не будет тебя ждать, и вообще там, скорее всего, никого нет – о владельцах не слышали уже почти столетие.
- Но это место существует, и в нём – источник силы, и это значит – там ты обретёшь то, чего тебе недостаёт.
- И сможешь двинуться дальше, и исполнить то, к чему ты предназначен свыше с рождения.

В бреду все эти слова даже не казались такими глупыми и высокопарными, как бы вышло, услышь Филипп их в здравом уме и твёрдой памяти. Но в бреду можно не запоминать ничего и вообще делать вид, что тебя всё это никак не касается.

Ветер зашумел кронами деревьев, и Филипп пришёл в себя. Опираясь о дерево, поднялся и снова пошёл вниз. Его заплечная сума, сшитая из хорошей толстой кожи, уже совершенно опустела, еды там не осталось ещё со вчера. Хорошо хоть время от времени встречались ручейки – из них можно было напиться и набрать воды во флягу.

Такой ручеек встретился ещё шагов через сто, и можно было растянуться во мхе на берегу, попить воды, набрать с собой и просто немного полежать и посмотреть на небо.

Небо понемногу розовело – где-то далеко солнце садилось за верхушки деревьев. Эх, неужели ещё одну ночь ему придётся провести под деревьями в лесу?

Нет, нужно подниматься и идти вперёд – пока хватит сил и пока ещё хоть что-то видно.

Да, было видно – крутой спуск завершился, тропа становилась ровнее. Она по-прежнему понижалась, но уже не так сильно, и травы становилось больше, и какие-то вечерние цветы раскрывались и даже пахли. Одурающе пахли.

Что? Цветы? Ещё, наверное, лиловые? А как ему сказала старая Магда – дойдёшь до долины лиловых цветов, и там, значит, оно?

Филипп шёл, и ему казалось – быстро и бодро, но на самом деле – еле-еле. И уже когда сумерки почти что скрыли всё вокруг, он увидел его. Дом. Большой старый дом.

Глаза выхватывали отдельные его части – вот каменное основание, и подвальные окошки, и первый этаж тоже из камня. А дальше – дерево, большие окна, балкончики, башенки на крыше. Флюгер на башне – в виде кота.

Никакого забора или другой ограды не было. Можно заходить.

Филипп обошёл дом, держась руками за стену, но не обнаружил двери. Только окна. Что ж, значит, через окно. Если что, можно разбить стекло камнем.

Но ничего разбивать не понадобилось. Первая же рама отворилась внутрь. Пришлось предпринять некие усилия, чтоб забросить едва живое тело на подоконник, но ему это удалось.

Филипп перевалился через подоконник внутрь и куда-то упал. И вновь лишился сознания.

* * *

– Как записать вас, господин? – спросила толстуха, раскрывая большую и засаленную книгу постояльцев.

– Я сам запишусь, – Жорж подтащил к себе книгу, взял перо, обмакнул в чёрнильницу и вывел самым красивым почерком, на какой был сейчас способен, своё имя. Со всеми завитками.

– Жорж Морель? – прочитала толстуха.

– Он самый! Жорж Морель, специальный корреспондент «Репортажа», к вашим услугам, госпожа?

– Марсо. Эмильенна Марсо, – тут же расплылась в улыбке толстуха. – Мой муженёк командует трактиром, а я приглядываю за постояльцами – чтобы, значит, постель чистая, и пол тоже, и одежду вашу могу взять почистить-постирать-погладить. И если чего желаете на завтрак – то извольте сказать, сделаем. Вы к нам надолго?

– Как знать, – вздохнул Жорж.

Откровенно говоря, тащиться в глушь ему вовсе не хотелось, и сам повод казался глупейшим, но – разве ж поспоришь с редактором господином Виктором? Он сказал – поезжай и привези сенсацию. Да какая ж тут сенсация, в городке о двух площадях да нескольких улицах?

– И что же, про наш Верлен прямо в столичной газете напишут? – заинтересовалась госпожа Марсо.

– Это возможно, – кивнул Жорж.

– Напишите про Жермона Руа, что он проворовался, – заявила дама.

– Кто это?

– Это наш мэр. Его давно уже нужно турнуть, а кого-нибудь другого поставить на его место. Получше, – добавила она со значением.

Ну вот ещё, только местные сплетни слушать не хватало! То есть, послушать-то можно, но он-то здесь совсем не за этим!

– О, так вы здесь всё знаете, уважаемая госпожа Марсо! – Жорж умильно улыбнулся. – Подскажите, а что у вас в окрестностях за дом, в котором исчезают люди?

– Люди исчезают? В доме? – не поняла она.

– Да, мне так рассказали. Даже нашему главному редактору об этом рассказали. Что есть некий дом, старый и страшный, в который зайти заходят, а выходить – уже не получается.

– Дом волшебника Гийома, что ли? – нахмурилась толстуха. – Да в него ещё пойдёшь войди, там дверей-то нет!

– Как нет? – не понял Жорж.

Чтоб у дома да дверей не было? Глупости какие!

– А вот так, нет как нет. Сама видела. В детстве-то все там побывали, любопытно же, сами понимаете, – она улыбнулась и затрепетала ресницами, прямо как юная девица.

– А в окно залезть? Или окна тоже нет?

– Есть, но его ж ещё надо найти и отворить, – сказала она так, будто это не простое действие, а нелёгкое дело.

И впрямь что-то странное.

– Госпожа Марсо, давайте так: вы сейчас покажете мне комнату, и пообедать я тоже не прочь, и тем временем расскажете – что за дом, откуда взялся, и почему у него нет дверей. Куда делись. Наверное же, были когда-нибудь, а потом их заложили?

– Ох, господин хороший, нет, всё было не так. Но лучше вы спросите моего мужа – он вам расскажет в подробностях, потому что он давным-давно однажды был там внутри. А больше не был никто. Потому что трудно и страшно. А мой Алоиз – был, потому что хитрый и храбрый.

Жорж никак не мог представить себе хитрым и храбрым почтенного трактирщика, одетого в поношенную жилетку и штаны с заплатками, объёмное брюхо которого торчало далеко впереди него самого. Но – кто ж его знает, как тут всё на самом деле? Ему велено всё разузнать и привезти сенсацию, и будет он не Жорж Морель, если этого не сделает.

– Я готов следовать за вами, госпожа Марсо, – сказал он хозяйке гостиницы.

* * *

– Сестрица Эрмина, расскажи сказку!

– Поздно уже, спать пора.

– Ну пожалуйста, всего одну! Так хочется!

– Совсем маленькую сказку, ладно? Мы будем завтра самыми послушными на свете!

– Хорошо, уговорили, – улыбнулась Эрмина, девушка семнадцати лет – нежная, хрупкая, с мечтательным взглядом голубых глаз.

Правду сказать, сказки рассказывать она и сама была готова день-деньской, без особой просьбы. Но уже поздно, и если отец или матушка услышат и поднимутся в детскую, то будут недовольны – почему младшие ещё не спят, а сама она не спустилась помочь кухарке Жавотте или посидеть с бабушкой. Но сказка позволяла мечтать... а мечтать Эрмина любила больше всего на свете.

– И какую же сказку вам рассказать, неутомонные? – спросила она братьев.

Восьмилетние близнецы Пьер и Поль задумались.

– Ну... давай про некромантов, люблю про некромантов, – сказал Пьер.

Он был заводилой в их делах и проказах.

– Нет, кому нужны некроманты, давай про путешествия в далёкие страны, – возразил Поль.

Он не мог дождаться, когда вырастет и отправится за океан. Ничего, ждать осталось немного, каких-то лет десять всего.

– Про дом! Про заколдованный дом! – заверещала Мадлен, самая младшая, ей недавно исполнилось шесть.

– Тихо, тихо, а то сейчас придёт матушка, и будете спать без сказки, – замахала на неё руками Эрмина. – Хорошо, про заколдованный дом.

– Нет, про большие корабли, – попытался возразить Поль.

– Про некромантов! Я хочу про некромантов!

– Дом! Волшебный дом!

– Да что у вас тут опять такое, – раздался недовольный голос от двери.

Эжени уже исполнилось шестнадцать, она мнила себя девицей взрослой, которой не по нраву ни игры, ни сказки. Она была готова день-деньской сидеть у окошка и разглядывать всех, кто проходит мимо – вдруг жених покажется? Но денег у родителей немного, приданое у сестёр Руа небольшое, поэтому женихи в их дом не торопились.

– Всё в порядке, Эжени, – Эрмине, как старшей, всегда приходилось быть миротворцем. – Посиди с нами.

– Дела мне нет, только с вами сидеть! – фыркнула Эжени, но осталась – уже темно, жечь лампу без дела матушка не позволяет, а спать вроде бы и рано ещё.

– Дети, а ну тихо, – сказала Эрмина негромко, но твёрдо, – а то не будет вам никакой сказки.

– Ладно, давай про дом, – согласился со вздохом Поль.

– Дом, – мечтательно улыбнулась Мадлен.

– В наших предгорьях стоит старый-старый дом, – начала Эрмина. – давным-давно его выстроил могущественный волшебник, господин Гийом, для своей возлюбленной госпожи Маргариты. Он был самым великим волшебником на свете, ему подчинялись и ветры, и воды, и земная твердь.

– И огонь, – влез Пьер. – Он побеждал врагов одним лишь мановением руки, и все враги падали! Замертво!

– И огонь, – кивнула Эрмина. – Но он полюбил Маргариту, дочь королевского советника, да только просватали его возлюбленную за другого – богатого и знатного, а Гийом был из простой семьи, и всего в своей жизни добился сам. Её отец отказал Гийому, сказал – ты никто, хоть и маг, и не отдам я тебе свою единственную и прекрасную дочь. Разозлился Гийом, хотел убить советника, но взмолилась прекрасная Маргарита и попросила сохранить жизнь её отцу. Не смог Гийом отказать, а она пообещала – что если будет на то господня воля, что она окажется свободна, то обязательно примет его предложение.

– Но только потом, – глубокомысленно заметил Поль. – А он хотел сейчас.

– Удалился огорчённый Гийом в леса и выстроил там дом. На прочном каменном фундаменте, с толстыми стенами и заговорёнными прозрачными окнами, через которые были видны и ёлки на горных склонах, и снега на вершинах. И наполнил он этот дом удивительными вещами, которые умели всё делать сами. Печка и котлы варили вкуснейшую еду. Метла сама мела двор. Лампы зажигались, когда хозяин заходил в комнату, и гасли, когда он выходил. Утюг сам утюжил ему сорочки, а игла зашивала прорехи. Клавесин играл прекрасные мелодии. А у ворот стояла пушка.

– И когда приходили враги, она сама стреляла! – с воодушевлением сказал Пьер.

– Громко-громко стреляла! – добавила Мадлен.

– Точно, стреляла, – улыбнулась Эрмина. – Поэтому ни один враг не осмеливался приблизиться к тому дому – ни с равнины, ни через горы. А потом жених прекрасной Маргариты заболел и умер.

– Его убили враги, – заявил Поль.

– Да нет. Это сам Гийом его потихоньку убил, – поправил Пьер.

– Поносом он страдал, как сосед дядька Готье, от него и помер, – авторитетно сообщила Мадлен.

– Но как только Гийом об этом прослышал – то сразу же явился в столицу. И снова предложил прекрасной Маргарите стать его женой. Она согласилась, но её отец никак не хотел отда-

вать дочь за человека незнатного, хоть бы и мага. И тогда Гийом пришёл ночью, а Маргарита вышла к нему из потайной двери, и он посадил её на своего коня, и умчал в заколдованный дом.

Но отец красавицы отправил за ними погоню, и пришлось им заметать следы. На потайных тропах, которыми вёз Гийом свою любимую, за ними вырастали непроходимые кустарники. Ветви деревьев цеплялись за одежду преследователей и рвали её.

– И выкололи одному глаз! – мстительно сказал Пьер.

– А ты откуда знаешь? – не удержалась тихо сидевшая Эжени.

– А вот знаю!

– Ему бабушка сказала, – выдала Мадлен.

– Успели Гийом и прекрасная Мадлен добраться до волшебного дома и скрылись в нём.

Но прибыла погоня, и потребовали они отдать прекрасную Маргариту, потому что её отец уже нашёл ей нового жениха – богатого и могущественного. И тогда выстрелила пушка, и половина отряда упала замертво. А потом сгустились тучи, и град обрушился на тех, кто ещё держался на ногах, и половина от оставшихся тоже попадала на землю. Только самые смелые никуда не делись, они-то и попытались взять дом штурмом. Но не смогли найти дверь! Потому что дом распахивал двери только для тех, кого желал видеть хозяин. Открылись окна, оттуда высунулись ружья – и выстрелили все разом! А потом ещё прилетели птицы из горного леса и принялись клевать и рвать когтями тех, кто не сдавался. И пришлось последнему оставшемуся в живых, а это был юный барон Тремон, кричать, что он сдаётся, и тогда вышел на порог господин Гийом, и велел передать своему тестю, что госпоже Маргарите в его доме будет оказан всяческий почёт и уважение. И все они отправились в город Верлен, и там пошли в церковь, и святой отец обвенчал Гийома и Маргариту, а барон Тремон был тому свидетелем.

– В церковь Сен-Реми они пошли, что на Круглой площади, – добавил Пьер.

– И все колокола зазвонили, стоило им только ступить под своды, – вставил своё слово Поль.

– А они вернулись в волшебный дом и жили в нём долго и счастливо в любви и согласии, – продолжала Эрмина. – Жизнь госпожи Маргариты в том доме была легка и приятна, потому что волшебные предметы всё в доме делали сами. У них с господином Гийомом родились сыновья, и ни одной дочери, но старший сын женился и привёл в дом свою жену, и звали её Маргаритой, и стала она там хозяйкой после смерти его матери. И с тех пор только женщина по имени Маргарита может стать хозяйкой дома, и если найдётся такая, то дом будет её слушаться. Но иссяк род господина Гийома, долго уже не было в доме Маргариты, поэтому стоит он в лесу посреди поляны с лиловыми цветами и ждёт, пока она появится. А когда она найдётся – то откроется невидимая дверь, распахнутся окна, дом стряхнёт с себя пыль веков и снова будет, как давным-давно.

– И пушка выстрелит, – пробормотал засыпающий Поль.

– Непременно, хороший мой, – Эрмина наклонилась и поцеловала его в щёку. – А сейчас всем спать и видеть только самые лучшие сны, – сказала она, зажигая ночник.

– И охота тебе всякие глупости повторять, – пробурчала Эжени, когда они обе спускались по старой скрипучей лестнице.

– Не любо – не слушай, – пожала плечами Эрмина. – Дом-то есть, и все его видели.

– Старая развалина это, а не дом!

– Откуда тебе знать? Может, развалина, а может, и нет.

– Девочки, вы что это там так долго? – раздался снизу голос старой госпожи Руа, бабушки обеих юных девиц.

– Идём, бабушка, – сказала Эрмина. – Поспешите, Эжени, бабушка ждёт.

1. Не бегайте за чужими котами

Рита Мерзликина никогда не относилась к неудачникам. Она искренне считала, что у каждого в жизни бывает полоса чёрная и полоса белая, и нужно всего лишь дождаться, пока твоя нынешняя побелеет.

Ну, подумаешь, задержали зарплату! Если удастся продержаться до понедельника и не залезть в кредитку, значит, потом выданного хватит на подольше. Ненамного, потому что какая там зарплата у научного сотрудника в музее, но всё равно, получится купить себе что-нибудь приятное. Фруктов, орехов или в сети какую-нибудь занятную хреновинку заказать.

Муж Арсений ей всю дорогу говорил: Ритка, ты хламовщица, неужели тебе на твоей работе хлама мало, нужно ещё и домой тащить? Но Рита весь свой хлам нежно любила и хламом не считала, потому что была уверена – каждая вещь достойна места на полке ли, в шкафу или на стеллаже, и раз она была кем-то для чего-то создана, то пусть и исполняет своё предназначение. Поэтому всё, что попадало в музей и в Ритины руки, содержалось в образцовом порядке, будь то ржавые угольные утюги, закопчённые чугушки, поеденная молью шляпка или выкопанный где-то поисковиками ржавый ствол от винтовки времён боёв на Халхин-Голе.

Впрочем, дома тоже хватало всяких чудных штук – кукол, плюшевых игрушек, старых книг. Рита собирала вещи с завидным упорством, особенно оторвалась после развода с мужем. Потому что развод разводом, а уйти ему из её квартиры некуда, снять себе – жаба давит, да ещё сыну Ваньке покупали жильё. Хоть какое-то, но чтоб своё – малютку-студию на окраине города, в ней ещё ремонта по самую макушечку, и ипотеку десять лет платить, но с тем Ванька уже пусть сам справляется. Хватит того, что на первый взнос с Сенькой собрали и на сына оформили. Правда, съезжать Ванька не торопился, потому что там голые стены, и до работы утром полтора часа через пробки, а из материнской квартиры полчаса пешком – и на месте. Да ещё и кормить-поить там тоже некому, а дома мама и сварит, и постирает, и тарелку помоеет.

Дочка Надюшка, наоборот, вышла зимой замуж и уехала с мужем Пашей в Москву, им там нашлась работа. Ну хоть у детей белая полоса, приятно.

Рита в раздумьях не заметила, как доехала на автобусе до нужной остановки. Быстро сунула водителю деньги, выскочила, перебежала на другую сторону улицы – всё равно пробка и машины стоят – и там только перевела дух. Вроде бы еда дома есть, так что в магазин заходить не надо, да и не с чем, по совести-то говоря. Сенька дать денег на еду на этой неделе не разбежался, а ест как настоящий, да и у Ваньки тоже с аппетитом всё хорошо, а с доходами – не очень. Поэтому Рита кормила их сытно, но просто. Вчера ещё наварила пятилитровую кастрюлю борща, натушила капусты с сосисками – целую большую сковороду, и очень надеялась, что сегодня ей готовить не придётся.

Дома ждала весёлая книга про девчонку, которая попала в магический мир на отбор невест к дракону и ловко побеждала там всех врагов – потому что куда тамошним фифам против русской-то девчонки, в таких жизненных передрыгах закалённой, что ничего уже не страшно? А ещё нужно дошить платье для куклы, отснять и выставить в сеть, авось кто купит, одежда для кукол ручной работы у коллекционеров в чести.

В раздумьях о девчонке-попаданке и о куклах Рита открыла ключом дверь, вошла домой, поставила сумку, сбросила туфли. Увидела незнакомые балетки – к сыну девушка пришла, что ли?

– Мам, привет! – из своей комнаты высунулся Ваня. – Ты чего так долго? Есть уже знаешь, как охота?

– А чего ж не поел? – Рита подхватила заколкой распущенные блондинистые волосы и пошла мыть руки.

– А чего поесть-то? – поинтересовался за спиной отпрыск.

Вот ведь сын своего отца, тот тоже умрёт с голоду возле полного холодильника!

– Знаешь, я с собой ничего не забирала, – покачала головой Рита.

Господи, как она уже устала от этого всего!

Пошла на кухню, открыла холодильник – точно, не притронулись ни к борщу, ни к капусте.

– Совсем уже обессилел, что ли, тарелку еды себе в микроволновке не можешь разогреть? – пощёрла она на Ваньку.

– Ну мам, ты чего! Я ж не знал, что там еда!

– А я кому вчера сказала? И ещё специально за сметаной сходила к борщу, уже вечером поздно, еле успела перед закрытием?

– Да мам, ты чего, я правда не знал, ну а посмотреть не подумал, мало ли что у тебя там!

– Да господи ж, что может быть-то в холодильнике, кроме продуктов!

– А колбасы нет?

– А сходи, купи и положи, и будет тебе колбаса! Я и так вас двоих, здоровых лбов, кормлю, а кто бы меня кормил хотя бы так же? Сели на шею и ноги свесили, дармоеды!

Рита знала, что стоит её завести, и она потом до поздней ночи не остановится, но ничего не могла с собой поделывать. Потому что – наболело.

– Ну мам, у меня зарплата знаешь когда? Ещё неделю ждать!

– Да толку с твоей зарплатой, ты с неё хоть что-нибудь в дом купил хоть раз?

Хлопнула дверь Сенькиной комнаты, он вышел оттуда, громко топая, в одних спортивных штанах и босиком.

– Чего орёте? Никакого покоя!

– Спал, что ль? – не поняла сразу Рита.

А потом за его спиной к входной двери прошмыгнула соседка Сонька, Надюшкина одноклассница. Сунула ноги в те самые балетки у входа.

– Драсьте, тётъ Рита! – а футболка-то криво надета, и джинсы недозастёгнуты.

Тьфу, холера. Ещё и дверью хлопнула.

– Сеня, кобель несчастный, я тебя сколько раз просила девок сюда не водить? Сваливай отсюда на все четыре стороны и делай что хочешь! И ещё покоя ему, значит! Еды подай, носки собери, трусы постирай, жопу помой – и туда же, покоя ему нет! Ты сам на развод подал, забыл уже? Вот и проваливай!

– Сама проваливай, поняла, дура ненормальная! Не успела в дом зайти – уже орёшь! Совсем с ума сошла со своими уродскими куклами!

Сеня схватил со стола двух лежащих там кукол и запустил в Риту. Ловить летящие предметы Рита не умела, но тут попыталась – потому что а вдруг разобьёт, дурак такой? Одну поймала, вторую не успела, но она, к счастью, шлёпнулась на куртку, которую Рита ещё даже повесить не успела.

– Иди на хрен, идиот! Оба идиоты, молодой и старый! – Рита подхватила ключи и обеих кукол – чтоб не выбросили, а то уже бывали прецеденты, – сунула их в сумку, надела туфли и выскочила на площадку.

За соседской дверью шевелились – ну конечно, смотрят и слушают новый сезон сериала «Весёлая жизнь Мерзликиных». Новый сезон – «После развода. Как не свихнуться бывшим на одной жилплощади». «Задрали, ненавижу», – думала Рита, выбегая на улицу. Перебежала через дорогу в сквер, села на лавку.

Рассмотрела пострадавших кукол – вроде с обеими всё было в порядке, ничего не сломалось, не отвалилось, не потерялось. В Ритином детстве шарнирных кукол не водилось, и даже Барби ещё не водилось, поэтому она отрывалась сейчас, уже будучи изрядно большой девочкой сорока семи годочков. Обе куклы были с непропорционально крупными головами и яркими глазами, менявшими цвет и направление взгляда – и рыжая девчонка Марго, и золотоволосый

мальчик Жиль, почему-то ей захотелось так их назвать. Они были разом похожи и на обычных современных молодых людей, и на персонажей из мультика, короче. А Сенька, дурак, бесился. И говорил – уродцы. Сам он уродец, всхлипнула Рита.

К лавке подошёл кот. Необыкновенно красивый, он смотрел на Риту и щурил свои янтарные глаза. И это тоже была беда, потому что Сенька, ежа ему в задницу, терпеть не мог кошек и не позволял Рите взять домой ни одну. И сам никуда не девался, скотина.

– Кисонька, посиди со мной, что ли? Или ты чей-то и потерялся? – спросила Рита.

Кот был толст и полосат, уличные такими холёными не бывают, а на шее у него виднелся ошейник с бубенчиком. Или с адресником?

– Киса, дай-ка, я взгляну. Там, наверное, написано, куда про тебя позвонить?

Рита попыталась взять кота в руки, но он выскользнул – упитанная тушка – и поскакал к дороге. Она снова сгребла кукол в сумку и понеслась за котом – будто ей своих бед мало!

Кот сиганул прямо на проезжую часть, Рита за ним. Она не поняла, почему ей сигналият, и куда полетела – тоже не поняла. Потому что упала и потеряла сознание.

2. Ну и хламовник

Рита пришла в себя не пойми где.

Было тихо и мягко. И очень удобно. Открывать глаза не хотелось, потому что Рита помнила, что вчера случилось что-то гадостное, только вот не могла вспомнить, что именно.

Тьфу, она же поругалась с Сенькой. И с Ваней, кажется, тоже. Но они совсем на шею сели, паразиты. И что было потом? Она ушла на улицу, и?

Осознание напугало. Она попала под машину и теперь в больнице! Где ещё можно лежать в постели?

Рита открыла глаза... и тут же закрыла их обратно. Потому что вокруг было непонятно что.

Осторожно потрогала руками голову, лицо. Есть, на месте. Пошевелила ногами. Вроде работают. Ничего не болит. Спать не хочется.

Открыла глаза снова.

Она лежала в постели – на мягкой перине и белоснежных простынях. Самых таких, как она любила – из тонкого полотна, да ещё и с кружевом. Наволочка тоже имела кружево по краю, и пододеяльник был украшен изящной вышивкой. И Рита лежала во всей этой красоте неопишуемой в своём платье, в котором вчера с работы пришла, а на работе по подвальным хранилищам шарилась! Тьфу! В таком не спят, такое снимают сразу же, как с работы домой приходят, и в стирку кладут. А ей, получается, и некогда было.

И почему-то постель была занавешена шторками – как на старых изображениях. Настоящая кровать с пологом. Полог синего цвета оказался бархатным и тяжёлым, ещё и с кистями по низу. В щель проникал свет – достаточно света. Кто так сейчас делает вообще, и откуда в больнице такое диво?

Кровать ещё и широченная – трое влезут.

Рита села, обнаружила, что туфель на ней нет, отодвинула шторку... и с громким «ой» задвинула её обратно. И ещё стянула оба конца. Потому что это была совсем не больница, а что-то вовсе невероятное. Посидела, подумала, выглянула ещё раз.

Солнце пробивалось в просторную комнату сквозь грязное окно, карниз над окном был с одной стороны оторван от стены и криво висел, и штора наполовину лежала на полу. Такая же синяя, как и на Ритиной кровати. Чем-то синим, по виду – тканью, были оклеены или же обиты, отсюда не видно, стены, но обои висели клочьями.

Зеркало у стены не мыли отродясь, в нём даже почти ничего не отражалось, только какая-то мутная сизая пелена. На туалетном столике возле того зеркала громоздились какие-то флаконы, ясное дело – тоже заросшие, и лучше не думать чем.

Туфли Риты стояли на приступочке возле кровати. Она сунула в них ноги привычным движением и встала на коврик рядом – приступочка выглядела покалеченной и с неё упасть легче лёгкого. Коврик когда-то был добротным и шерстяным, а сейчас лежит весь ветхий, да как бы не молью поеденный. И теперь можно осмотреться.

Потому что да где же она, в конце-то концов!

Где-где, в хламовнике. На старой даче, которая от родителей досталась, и то столько пыли и хлама не было, потому что туда нет-нет, да ездили, и после зимы каждый год в порядок приводили, и вообще. А тут что?

Сумка Риты лежала на деревянной лавке, хорошей, добротной деревянной лавке, втором целом предмете в этой комнате после кровати. Она проверила – всё на месте, паспорт, кошелек, телефон. Контейнер из-под обеда – не успела вытащить. Куклы. И куча мелочей, которые водятся в каждой уважающей себя дамской сумке, особенно если эта сумка – не клатч, а хорошая такая сумка, вмещающая полкило фарша, куриную грудку, литр молока и средний кочан

капусты. Правда, телефон был выключен и не захотел включаться. Рита даже зарядку нашла, но – не увидела ни одной розетки.

И хуже того, в комнате не было ни одной двери!

Четыре, мать их, стены, одно окно и ни одной двери! Вот скажите, как такое возможно и что вообще с этим делать?

Рита дошла до окна и попыталась его открыть. Удалось легко, разошедшаяся рама чуть скрипнула и отворилась. Н-да, что за заброшенная дача? И чья?

В окно виднелся лес – совершенно незнакомый, и горы, в родных окрестностях таких тоже не было. Выбраться через окно на улицу не представлялось возможным, потому что под этой комнатой Рита насчитала ещё два этажа. И что-то вроде чердака сверху.

И как это прикажете понимать? Где она есть вообще? И как тут оказалась?

Единственная всё объясняющая мысль была бредовой до ужаса. Наверное, вчера в неё врезался какой-то местный авторитет, и чтобы она не возмущалась, её увезли куда-то подальше от города, пока она была без сознания, на чью-то старую дачу.

О таком Рите приходилось читать, такая гипотеза объясняла всё, кроме двери. Которой не было.

На всякий случай Рита обошла вокруг кровати – не помогло. Да и вообще кровать казалась в этом месте чужеродным элементом – будто её притащили на нежилой этаж из какого-то другого, жилого. Кровать была новая, красивая и деревянная, а качество постельного белья и занавесок Рита уже успела оценить.

Как это – с окнами, но без дверей, полна горница... кого? Старого хлама?

О нет, Рита любила старый хлам и всегда относилась к нему по-доброму. И сейчас она подумала, что если зеркало помыть, то оно окажется весьма красивым в своей тяжёлой деревянной раме. И флаконы на столике – очень ведь красивые флаконы, она таких вживе и не видела, только на картинках в книгах и в сети, в числе экспонатов знаменитых музеев мира. И окно помыть, и карниз прибить на место, и пыль вымести. А вот обои только ободрать и выбросить, увы. Реставрировать ткань – а это была ткань – замучаешься, на это все оставшиеся годы жизни уйдут, а толку будет чуть. И рисунок какой-то мелкий и замороченный – веточки там, птички, подбирать устанешь. Неэффективно и бессмысленно.

– Да вашу ж мать, где тут дверь? Мне нужна дверь!

Рита не поняла, что произнесла последние слова вслух... но дверь неожиданно появилась. Отличная деревянная межкомнатная дверь, с медной ручкой, покрытой пятнами, как и всё в этом доме – очевидно, окислилась. Только вот эта дверь гордо возвышалась между кроватью и стеной, сама по себе. И очевидно, никуда не вела.

– Блин, да что же это такое! – Рита уже чуть не плакала. – Может, дверь за зеркалом?

Она честно отодвинула тяжёлое зеркало от стены – по дороге то едва не развалилось – и заглянула за него. Испугала до полусмерти большую колонию пауков – они там жили и до Риты, и, походу, будут жить после неё. Что они тут едят-то? На улицу через щели ползают и там питаются? Эх, а она-то в щель не пролезет, вот никак, больно габаритная.

И кроме того, организм напомнил о вполне обычных потребностях, которые есть у всякого человека с утра. Ладно умыться, а туалет у них где? Или хотя бы какое помойное ведро?

Но помойного ведра не было, и Рита села на лавку, тяжёло вздохнула и заплакала. Слезы лились, не останавливаясь, нехорошие слова сами так и рвались с языка. О своей несурзной жизни – вот надо же было так вляпаться. О своих дурных мужиках, которые сели на шею и едут, и ещё попинывают и радуются. О копеечной зарплате за серьёзную кропотливую работу. И вообще о том, что жизнь сложилась вот так – что-то делала, копошилась, о ком-то заботилась, кому-то пользу приносила, а теперь что? Даже помойного ведра не дали. А ей так хочется уже и умыться, и в туалет, и поесть!

Она высказала всё это паукам за зеркалом и мелким мошкам на стекле, а потом оглянулась и с изумлением увидела, как в рисунке драных обоев, меж веточек и птичек, прорисовываются прямые линии, и из них складывается отчётливый прямоугольник. Прорисовывается коробка двери, косяки, замочная скважина, шарниры, ручка. Ручка поворачивается, дверь открывается и словно приглашает заглянуть дальше.

3. За дверью

Рита бросилась туда, в эту дверь, громко рыдая, потому что сил никаких уже не было. Новая комната оказалась совсем небольшой – раза в три-четыре меньше предыдущей, и такой же запущенной, и в ней точно так же не было других дверей – только та, через которую Рита вошла, плюс одна стена с окном и ещё две – просто белых крашенных. Покрашены они были, судя по всему, давно, краска местами облупилась, а местами стала из белой какой угодно другой, пятьдесят оттенков грязного.

Но посередине стоял чистый столик, а на нём – красивый фарфоровый кувшин, расписанный розочками, и такой же фарфоровый тазик. И на табурете рядом – ещё одна фарфоровая посуда с теми же розочками и с ручкой сбоку, больше всего напоминающая младенческий горшок. Ещё и с золотой отводкой по краю, мать их так!

Риту больше всего поразила эта золотая отводка – что за дебильный миллионер накопил антиквариата и использует его по назначению? Такие горшки надо ставить в витрину и рассказывать на их примере о развитии представлений о гигиене, а не... гадить в них! Но – другого варианта ей никто не предложил. Пришлось снимать колготки и трусы, и гадить, и отставлять в уголок, а потом умываться. Там ещё кусок мыла рядом лежал в металлической мыльнице, очень похожей на серебряную – Рита не взялась бы утверждать без экспертизы, но выглядело похоже, и какое-то клеймо сбоку можно было разглядеть, но Ритино зрение не хватило, чтоб разглядеть подробности, а лупы ей никто не предложил, и в сумке тоже не было. Везде были – на работе, дома – а в сумке не было. Вот ведь!

Она потом ещё перевернула пустой кувшин и посмотрела, нет ли клейма на дне. Было. И не говорило ей ничего, она с такими не встречалась. Такое случалось, мало ли фарфоровых заводиков, и не обо всех она знает, но – если уж клеймо содержало надпись, то она обычно хотя бы могла понять, на каком языке написано. Европа с латиницей, или там Китай-Япония-Корея. А тут она понять не могла ничегошеньки. Но – неожиданно для себя смогла прочесть надпись. «Сотю». Это кто, что и где вообще? И... почему она смогла разобрать эти странные символы? Неужели где-то раньше встречала, просто позабыла? Может быть, конечно, за последний год память лучше не стала. Ладно, если удастся найти, где зарядить телефон, то можно будет сфотографировать клеймо и поискать по картинке. А пока – подойти к окну и посмотреть, что там.

За грязным окном был тот же лес и те же горы. И очень милая полянка внизу – вся заросшая лиловыми цветами. Солнце стояло высоко, наверное, день в разгаре. Рита открыла раму, с трудом откинув крючок – потому что проржавел и никак не хотел шевелиться в своём кольце. Пусть хоть проветрится, что ли, если ни воду грязную никуда не вылить, ни горшок. Хотя она уже была готова выплеснуть содержимое умывального тазика просто на пол – напололам, в спальне и здесь. Просто чтобы пыль прибить. А то очень уж нехорошо, а ей здесь быть неизвестно сколько.

Так вот, про неизвестно сколько. Её кормить будут или как? Если зачем-то заперли, то она им нужна? Или, наоборот, Рита у них нежелательный свидетель? Второго не хотелось бы, конечно, да она и не видела ничего. Сквер, лавку, кота и потом вот дорогу, и всё, а ту машину, что её сбила, она вообще не заметила. Ни цвет, ни марку, а о номере и говорить не приходится. Поэтому толку от неё никакого, и её нужно поскорее вернуть из этой грязищи домой.

Но сначала, вообще-то, могли бы и покормить!

Если она проспала одну ночь, то последняя еда была вчера в обед на работе. Сутки уже, или даже больше. Живот отозвался этим мыслям голодным урчанием.

Есть хочу, думала Рита. Очень хочу!

И с изумлением смотрела, как в стене прорисовывается новая дверь – ещё куда-то. Вдох, выдох, пошли.

Новая дверь привела в следующую комнату, и первое, что Рита увидела, – стол с белоснежной скатертью, и на нём сервированный завтрак. Божечки, завтрак!

Сервировка поражала той же странной смесью изысканного антиквариата и неизвестности. Две тарелки тонкого фарфора – подставная и десертная, варёное яйцо в подставке – ещё тёплое, и маленькая ложечка к нему, на сервировочной тарелке разложены тонко нарезанные сыр, копчёное мясо и кусочки колбасы. Немного сливочного масла, кусочки свежего хлеба, круассан. Кофейник, сливочник, пустая кофейная чашечка – лёгкая, тонкая, с нежным лиловым рисунком – загляденье.

Все предметы из фарфора имели то самое клеймо – «Сотю». И либо рисунок в виде лиловых цветов, либо просто орнамент из линий такого же и зелёного цветов. Сервиз, мать их. Наверное. А все столовые приборы тоже происходили из набора, с одинаковым рисунком – цветы той же колокольчиковой формы, как и на чашках-тарелках, тяжёлыми литыми ручками и каким-то неразличимым клеймом.

Вокруг же царил традиционный хаос. Кучи пыли, грязные окна, сломанная мебель.

Рита побоялась, что если она всё это сейчас не съест, то оно куда-нибудь денется, села и принялась за еду. Что сказать – яйцо было явно от деревенской курицы, чистилось плохо, но желток внутри был крупный и тёмный. Сливочное масло – свежее. Сыр – просто необыкновенно вкусный, дома такой стоил очень дорого и покупался только на праздники. Мясо – сырокопчёное, судя по всему, нарезанное тонкими, почти прозрачными ломтиками. Хлеб – очень свежий, круассан – воздушный. Кофе в кофейнике хватило ровно на две чашечки, и сливок оказалось тоже как раз. И ещё в стеклянном графине – чудесная вода, прохладная и вкусная.

Ну вот, умылись, поели, можно понимать, как жить дальше. Взять сумку, попробовать ещё раз включить телефон. Сумка оставалась в спальне, и Рита испугалась – а ну как пока она тут ест, там закрылась дверь?

Она подскочила и бросилась обратно в спальню, но – к её счастью, все двери были открыты и исправно работали, только нещадно скрипели, будто их никто не смазывал уже давным-давно. И штукатурка с потолка сыпалась.

Сумка стояла на лавке в спальне, где её Рита и оставила. И в ней всё было, как и должно было, ничего не изменилось. Но – телефон снова не включался, никак и совсем, и никакие комбинации для экстренного включения не работали. Ладно, прорвёмся.

Дверь, появившаяся просто так между кроватью и стеной, тоже никуда не делась. Стояла себе и стояла, как будто так и надо.

Рита обхватила сумку обеими руками и пошла обходить доступные помещения – спальню, умывальную, столовую. Везде разруха и грязь, и пыль, и паутина видна на ярком солнце. Что ж за засранцы здесь живут, и где они все? На антикварную посуду деньги есть, а на ремонт и уборку – нет? Что-то странное. А потом пригляделась и поняла, что не просто странное, а очень странное – потому что в умывальном кувшине вновь была налита чистая вода, горшок стоял пустым и сверкал своей неуместной позолотой, а с обеденного стола исчезла вся посуда. Что за нафиг, как говорили дети, и как сама она тоже говорила, чего уж тут?

Новых дверей в подвластных ей трёх комнатах не появлялось, а как сделать, чтобы они появились, она так и не поняла. Вроде бы, когда она сказала, что хочет в туалет, её пустили в умывальную, а когда сказала про голод, то дали поесть. Надо громко кричать? Надо внятно говорить? Тут где-то камеры, и за ней следят?

– Эй, вы, не знаю, как вас там! Я хочу немедленно узнать, где я, зачем я тут и что вообще происходит!

Какой-то шорох за спиной, она испуганно оглянулась – но там никого не было.

– Люди! Кто-нибудь! Отзовитесь! Кто здесь? Где я?

Рита ходила с сумкой по периметру, стучала в стены, пинала двери, трясла окна. Ничего не выходило, никто не появлялся.

– Да чтоб вас всех перевернуло и подбросило, гады несчастные!

Так-то она могла загнать и посильнее, но опасалась. Вдруг кто-то пишет это всё на камеру, и ей потом припомнят?

– Уроды бессовестные, смерти моей хотите!

Скрип двери, лёгкие – очень лёгкие – шаги, больше похожие на топоток лапок. И в спальню вбегает, кто бы мог подумать, вчерашний кот! Тот самый, в непонятном ошейнике, за которым она побежала и оказалась под машиной!

– Ах ты, полосатая скотина, ну я тебя сейчас!

Рита бросила сумку на лавку и сиганула за котом, и уже было схватила, но со всей дури врезалась... во что-то. Или в кого-то. Подняла голову.

Вместо кота перед ней стоял мужик. Круглый, плотный, с брюшком. В полосатом пиджаке и с белой манишкой. С жёлтыми кошачьими глазами и усиками. И носом вёл – прямо как кот.

– Ну что же вы так, прекрасная госпожа Маргарита, – сказал он с укоризной.

4. Нам без вас плохо

Какая ещё прекрасная госпожа Маргарита! Нашёл прекрасную госпожу!

Рита сделала шаг назад, оглядела мужика. Мужик да мужик. Одет вычурно, конечно, обычно люди так не одеваются. И пиджак-то не очень и пиджак, и полоски на самом деле не полоски, а вовсе это ткань муаровая на свету так играет. На брюшке застёгнута жилетка, из кармана торчит цепочка от часов. А в кружевной манишке булавка – в форме кошачьей лапки.

– Вы... вы вообще кто? – выдавила она из себя.

– Валентин, к вашим услугам, дорогая госпожа Маргарита, – мужик поклонился, очень легко и изящно, что показалось ей удивительным – при таком-то брюшке.

– А... где кот? – не смогла она спросить ничего умнее. – Здесь был кот! И вчера в сквере тоже был кот! Тот же самый.

Валентин вздохнул.

– Только не пугайтесь и не кричите, хорошо? Я плохо переношу громкие звуки.

И будто расплылся, вот прямо расплылся, растворился в воздухе. А на его месте воссел тот самый кот, полосатая скотина, с ленточкой на шее. Кот подошёл к Рите, боднул её башкой, потёрся о неё щекотной усатой щёчкой. Рита сама не поняла, как наклонилась и почесала кота за загривок, потом за щёку и за шею. Кот громко мурлыкал. Рита прикрыла глаза...

...и вновь открыла, когда услышала громкий звук. Перед ней стоял тот самый Валентин – в муаровом костюме и кружевной манишке, и с часами.

– Да кто же вы? И зачем меня сюда притащили? – сказала она тихо и жалобно.

– Я – дух-хранитель этого дома, – с поклоном произнёс он.

– Что? – нахмурилась Рита.

– И я перенёс вас сюда, потому что там, в вашем мире, вам было плохо, а здесь будет хорошо. И ещё потому, что вы мне подходите.

– Для чего это я вам подхожу, позвольте узнать? – Рита уже упёрла руки в боки и была готова взорваться. – Куда вы меня увезли? И сеть глушите, да, что я телефон включить не могу? Меня ж дома обыскались!

– Да никто вас, уважаемая госпожа Маргарита, не ищет, – Валентин как будто обиделся. – Ушли и пропали, и всё, в ваших краях такое случается. Ваш муж сообщил властям о пропаже, но его не стали слушать, потому что прошло слишком мало времени. Ваш сын сказал, что грустно, но справимся. А ваши коллеги очень огорчились, но кто-то уже готов занять ваше место.

– Откуда вы всё это знаете? – не поверила Рита.

Хотя всё звучало очень логично. Сенька поступил по правилам. Ваня пофигист, и всегда им был. А на работе есть Люся, она справится.

– Вы бандит, да? – Рита хлюпнула носом.

И порадовалась, что хотя бы родители не дожили, а то вот ещё дело было бы!

– Отчего это вы так подумали? – Валентин даже как будто обиделся. – Никакой я не бандит, и никогда им не был!

– Тогда возвращайте меня обратно! – и она яростно сверкнула глазами.

– Так, голубушка моя госпожа Маргарита, прекраснейшая из прекрасных. Сделайте милость, послушайте. Я могу вернуть вас обратно, в тот же самый миг, когда мы с вами встретились. И пойдёте вы обратно домой, плакать, ссориться с вашими домашними, и безуспешно отвоёвывать у них право на собственную жизнь. Но, может быть, вы хотя бы послушаете, для чего я перенёс вас сюда? И потом уже решите?

Он смотрел так умильно, что она, ещё мгновение назад не желавшая никого слушать, нерешительно кивнула. Тогда котомужик подошёл к ней, взял из рук сумку, положил на лавку. Усадил её, сам сел рядом.

– Нам здесь без вас плохо, дорогая госпожа Маргарита.

– Кому – нам? Где – здесь? И с чего плохо?

– Вы не могли не заметить, что дом находится не в самом лучшем состоянии.

– Да, засрались вы знатно, – кивнула Рита. – Что, кто-то купил типа шикарный дом, а на ремонт и уборку уже не хватило?

– Нет, госпожа Маргарита, всё не так, – покачал головой мужик. – Это особый дом, непростой.

– Да, я заметила. Так зарастить по самую маковку – это постараться нужно, не все сумеют.

– Дом почти сто лет без хозяев, понимаете? И если бы он умел плакать – то рыдал бы горячими слезами. Но плакать он не умеет, только радоваться. И он уже обрадовался – видите? – Валентин показал на кровать.

– Вы о чём? – не поняла Рита.

– Он почувствовал вас и смог сделать эту постель. И, наверное, что-то ещё. Вы ведь умылись? Поели?

– Умылась и поела, но я всё равно не понимаю, – вздохнула Рита.

– Я постараюсь объяснить. Этот дом выстроил несколько веков назад могущественный маг господин Гийом – для своей возлюбленной, госпожи Маргариты. Дом умеет следить за собой сам и выполнять желания своего владельца, но – это должен быть подходящий дому владелец. Только женщина по имени Маргарита может быть настоящей хозяйкой этого дома. И ещё нужно, чтобы она владела бытовой и артефактной магией, чтобы уметь с домом договариваться. Вы нам подходите – дому и мне.

– Бред какой-то. Какие подходящие владельцы, какая магия? Тут у вас хламовник в три этажа, и ещё, наверное, чердак и подвал имеются. И всего-то надо – нехреновую кучу денег, и людей, чтобы привести дом в порядок. Да, работы много, но моя бабушка всегда любила повторять, что глазки боятся, а ручки – делают.

– Вы владеете магией, просто не знали об этом раньше, – сообщил кот.

– Бред какой, – покачала головой Рита. – Вы, наверное, книжек перечитали. Или я книжек перечитала, и мне всё это мерещится. Я попала под машину, лежу в коме, и мне мерещится какая-то дурь в стиле тех историй, что я в последние месяцы читала. Про попаданок. Попаданок не бывает, это всё выдумки. И магии не бывает. И говорящих котов не бывает тоже!

– Но я-то существую, – Валентин мягко коснулся рукой руки Риты. – Да, я в своём виде появился не вполне обычным образом, но – это работа великого мага. И пока существует этот дом, существую и я. Скажите, вас зовут Маргарита?

– Ну, – кивнула Рита, всё ещё не веря и не понимая. – МММ, Маргарита Михайловна Мерзликина.

– И вы знаете, как отремонтировать старую вещь, чтобы она была как новая?

– Да, – продолжала хмуриться Рита. – Я музейщик и реставратор.

Реставратор тот ещё, но отдельный по штату не положен, вот и приходится заниматься всем подряд – и оформлением документов на движение предметов по выставкам, и выдачей – приёмом, и той самой реставрацией – когда сильно припирает и приличный предмет становится нельзя людям показывать. А возмещение самых небольших утрат на музейном предмете – это уже реставрация. Риту даже на курсы отправляли, учили – и кое-чему научили, во всяком случае, с предметами из ткани она управляться умела, и совсем немного – с металлом, стеклом и фарфором.

– Вот, значит – вы сможете справиться с запустением в доме.

О боже, им тут что, услуги не хватает?

– Мне кажется, вам нужна не я, а ремонтная бригада и клининговое агентство.

– Нет, дорогая госпожа Маргарита. Нам – дому и мне – нужны вы. Одарённая женщина, которую зовут Маргаритой и которая знает, к чему здесь приложить руки, чтобы всё стало хорошо. Которая не выбросит старую вещь только потому, что та старая и утратила свой красивый вид. Которая умеет творить чудеса своими руками. Понимаете, даже если у вас и не окажется в итоге магических способностей – дом-то вас уже признал. Значит, вы подходите, – проникновенно говорил кот Валентин. – И сможете спасти нас, понимаете, спасти.

Эх, почему же такие слова всегда говорят не те, от кого их ждёшь? Вот если пришёл к Рите в кабинет директор музея, или кто другой из начальников, да сказал то же самое... Потолок бы осыпался от удивления, и все жильцы с верхних этажей к ним бы в фонды в тот же миг провалились, вот что бы было. Поэтому – лучше не надо.

Но Рита не была бы Ритой, если бы не спросила:

– Ну хорошо, я соглашусь разобрать ваше здешнее безобразие. А что мне за это будет?

– Как что? – изумился кот. – Дом. Этот дом.

– Как этот дом? – изумилась в свою очередь Рита.

– Вот так. Если вы согласны – дом ваш.

5. Валик, да веник, да сто рублей денег

– Мой? – продолжала изумляться Рита, а мысли тем временем лихорадочно скакали.

Так, если она не найдётся, то квартира достанется Надюшке и Ване пополам, потому что её собственность, а Сенька отпал в полуфинале. Или продадут и поделят, или что там ещё, разберутся, не маленькие. А она, значит, получит огромный дом в аварийном состоянии, в котором встречаются отдельные антикварные предметы в отличной сохранности. Наверное, можно будет продать часть имущества и вложиться в ремонт?

– Скажи-ка мне, Валя, – начала она и не поняла, чего тарашится мужик.

– Кто? – он смотрел на неё не мигая.

– Ах, простите, Валентин, не знаю, как вас по батюшке, – поправилась Рита.

– По... кому? – он продолжал тормозить.

– Как звали вашего высокочтимого отца?

– А мне откуда знать? Я и кошку-мать свою очень плохо помню, давно это было, да и бросила она меня. Я бы концы отдал, если б не господин Гийом, он меня подобрал, выкормил с пальца и сделал духом-хранителем этого дома.

– Ври, да не завирайся – какой из тебя дух! Духи бесплотные, а ты весьма упитанный, – Рита осторожно тронула его за бок. – Я тебя в руках удержать не смогла вчера, такой был толстый, и сейчас, знаешь, тоже не маленький, а ты говоришь – дух!

Кот Валентин ухмыльнулся и исчез. Вот прямо исчез, ничего не осталось – ни усов, ни манишки.

– Если вам, дорогая госпожа Маргарита, так удобнее – извольте, – котский голос прозвучал из пустоты особенно ядовито.

– Полтергейст, – выдохнула Рита.

– Прекратите обзывать, ясно? Я понимаю, что вы выросли и прожили всю жизнь среди людей диких и неразвитых, но это не повод уподобляться им и здесь!

– Чего это диких и неразвитых? – не поняла Рита. – Чем тебе люди не угодили?

– Потёрся я там среди людей, пока вас искал, послушал, как вы все разговариваете. И как вы на работе с сослуживцами говорите, послушал, и как дома с мужем – тоже.

Э-э-э-э... Ну да, на работе бывает, что и матом, когда непонятливые сотрудники производят очередной косяк. Или фотографии конца девятнадцатого века – подлинники – приклеивают к паспорту на двусторонний скотч. Или рушник крепят на стену гвоздём – берут и прибивают, прямо насквозь. А про бардак в документации и говорить не приходится. И их убить после такого хочется, не только обматерить.

– Не мы такие, жизнь такая, – отрезала Рита. – На работе у меня вредные условия и сотрудники-остолопы. А муж вообще уже бывший, причём по его желанию. Сам захотел. Ему от меня только пожрать и надо, а всё остальное – от девок молодых. Они его кормить не разбежались, и носки его стирать, а потрахаться – со всем, понимаешь ли, Валя, уважением. Вот ты бы стал такое терпеть? Только честно?

Пустота вздохнула.

– Да нет, наверное, не стал бы. Только, госпожа Маргарита, могу я вас попросить?

– Попробуй, – кивнула она.

– Не называйте меня этим... прозвищем. Пожалуйста.

– И как же тебя называть? Полным именем? И даже ласково никак не сократить? – не поняла Рита.

– Ласково? Сократить? – не понял духокот.

– Вот я, конечно, по паспорту Маргарита, да ещё Михайловна, но так ко мне только на работе обращаются, и то – из соседних отделов. А вообще меня зовут Рита. И ко мне, мил

друг, пожалуйста, на «ты», я всяких этих неоправданных церемоний не люблю. А ты не хочешь быть Валею – могу ещё что-нибудь придумать. Будешь Валиком. Валик, да веник, да сто рублей денег. И хорошо, если денег, а не убытку, – почему-то вдруг вспомнилась детская присказка про барыню-мадам, и что там у этой мадам с собой было.

Воздух рядом поперхнулся.

– Кем-кем?

– Ну не Валя, а Валик. Валичек, если угодно. Валечка.

Воздух молчал – очевидно, переваривал. Потом осторожно спросил:

– И... что это значит?

– Что-что, что мы друзья, – усмехнулась Рита.

– Ну... хорошо, – он проявился вновь в человеческом облике и неуверенно ей кивнул.

– Вот и славненько, – кивнула Рита. – А теперь рассказывай, что там за тёмная история с этим домом. Где хозяйева и при чём тут я. Понимаешь, я убеждена всей своей жизнью, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и хочу узнать, куда сую голову, прежде чем что-то обещаю.

– Похвально, госпожа Маргарита, – кивнул Валик.

Она тоскливо вздохнула.

– Ох, Валентин-Валентин, чучело ты хвостатое. Ладно, хочешь – буду тебе госпожа. Как говорится – хоть горшком назови, только в печку не ставь. Так вот, что там про дом?

– Так я же положил вам договор, – не понял кот. – Неужели вы его не прочитали?

– Договор? – не поняла Рита. – Какой ещё договор и куда положил?

– Так рядом с вами, – он кивнул куда-то на кровать.

Рита поднялась и отёрнула занавески, оглядела простыни и подушки, и рядом с подушками, с противоположной стороны кровати, и вправду увидела бумагу. Плотную, желтоватую, совсем непохожую на листы А4 для принтера. И текст на ней был написан, не поверите, чернилами. Рита несколько мгновений смотрела на замысловатую вязь и не могла ничего понять, а потом вдруг – раз! – и непонятные закорючки сложились в буквы.

«Я, Гийом Бодуан, передаю этот дом и всё, что в нём содержится, госпоже Маргарите в полное владение с тем, чтобы она смотрела за домом, содержала его до самой своей смерти и передала в заботливые руки наследников» – что, и всё? Впрочем, была ещё подпись – размашистая закорючка, даже с брызгами вокруг первой буквы.

– А где сказано, что госпожа Маргарита – это я? – нахмурила брови Рита.

– А вы подпишете своим именем, и оно там будет, – умильно улыбнулся кот.

– Что значит – смотреть за домом? – продолжала спрашивать Рита.

– Это значит – спасти его от разрушения и от грязных посягательств людей, не имеющих на него никакого права, – с готовностью пояснил кот.

– Да как я это сделаю-то, я тут не знаю никого и ничего!

– Я представлю вас всем нужным людям, – поклонился кот. – Вам придётся съездить в город, к нотариусу господину Буасси, чтобы подтвердить свои права на владение домом господина Гийома. Вы покажете бумагу, я подтвержу вашу личность, но, впрочем, все знают, что неподходящая особа не сможет подписать такую бумагу.

– Съездить в город? И далеко до того города?

– Полчаса, – с готовностью подсказал кот.

– А на чём ехать? Что-то я не вижу здесь поблизости никакой остановки транспорта.

– Так есть экипаж, – сообщил кот. – А коней... найдём.

– Да где ж найдём-то, и каких коней, я ничего не знаю про коней! Ни чем кормить, ни как ухаживать!

– Это решится, не волнуйтесь так, дорогая госпожа Маргарита. В этом доме можно решить всё.

– Да как можно-то, что ты мне тут зубы заговариваешь! Бумажку какую-то подсунул! И только-то! Как мы с тобой будем эту хламину ремонтировать? Есть ли деньги на ремонт? Или придётся вилки продавать и горшки золочёные? Чем питаться, если до города полчаса неизвестно на чём? И ещё кони какие-то!

– Дорогая госпожа Маргарита, – кот сделался несчастным, – понимаете, здесь всё не так, как вы привыкли. Но вы справитесь, я уверен, что справитесь, я долго за вами наблюдал. И вам понравится, не может не понравиться! Вы поймёте, как это действует, но чтобы понять, вам нужно подписать эту бумагу. Тогда магия дома вступит в силу, вы сможете менять здесь всё по своему усмотрению, а дом возьмёт под защиту вас и всех, на кого вы укажете.

Рита молчала. Вроде и хочется, и колется. Ну где она ещё найдёт такой дом, хоть бы и в аварийном состоянии? Такие дома большие миллионы стоят. А убраться... ну что, мало она в своей жизни убиралась, что ли? И никаких домов ей за это не обещали!

– А ночевать здесь? Или домой ходить можно? – уточнила она.

Кот вздохнул.

– Домой – это туда, к вам? К вашему, как вы говорите, бывшему мужу?

– Ну, – кивнула Рита, не понимая, куда он клонит. – И к сыну, сын у меня, прямо сказать, беспомощный.

– А вы уверены, что сможете оттуда вернуться? Я вот – нет. И может быть, уже пора дать вашему сыну шанс стать самостоятельным мужчиной?

Не сможет вернуться? Эх.

– Ладно, подпишу, – Рита достала из своей сумки ручку, и хотела было уже поставить подпись, но кот остановил её.

– Подождите, госпожа Маргарита. Вот, это для вас.

И у него на ладони вдруг появилась чернильница и перо, самое настоящее гусиное перо! Рите случилось держать такое в руках, но вот чтобы прямо вместо ручки?

– Ручка аккуратнее, – нерешительно сказала она.

– Наверное, – не стал спорить кот. – Но для скрепления подписью магического документа и всё остальное должно быть соответствующим.

Ладно, ну что она теряет? Наверное, ничего.

Рита взяла перо, обмакнула в чернильницу, аккуратно стряхнула лишние капли. Угнезила документ на коленях, но кот ловко подсунул под него какую-то дощечку. И впрямь, так удобнее.

– Подпись и расшифровка подписи, так? – уточнила она у кота.

– Как вы обычно подписываете важные документы? Так и делайте, – кивнул он.

Рита поставила подпись, а в скобках принялась расшифровывать. Чернила на кончике пера закончились в тот момент, когда она выводила «Маргарита», даже не дойдя до отчества и фамилии. Пришлось макать заново, стряхивать и вот это всё. К слову, чёрнила были красными.

В итоге подпись «Маргарита Михайловна Мерзликина» вышла кривоватой, но – уж как есть. И стоило ей вывести последнюю букву, как прямо под её каракульками появились чёткие ровные буквы, такого же красного цвета, как будто проступили изнутри листа: «Гийом Бодуан».

А внизу, на улице, что-то грохнуло.

6. Что такое мне досталось

Грохнуло так, что Рита пискнула, зажмурилась и зажала руками уши. Как машина во что-то врезалась, или вот ещё однажды на Девятое мая был не фейерверк, а прямо артиллерийский салют – очень похоже.

– Это пушка, – пояснил Валентин.

– Какая ещё пушка? – спросила, отдышавшись, Рита.

– Обычная, у входа стоит, – отмахнулся тот, как от ерунды.

Ну да, ну да, подумаешь – пушка! Эка невидаль, у каждого подъезда должна стоять.

– И... что теперь?

– А теперь пойдём осматривать дом. Чтобы вы поняли, какое сокровище вам досталось.

Валентин поднялся, поклонился и подал ей руку – вот прямо подал, и руку, надо же. Воспитанный, хвост полосатый. Ничего не осталось, только подняться и тоже протянуть ему руку. Впрочем, дальше Рита поняла, что этот жест был не столько вежливостью, сколько жизненной необходимостью – потому как от того, что Рита подписала бумагу и где-то внизу выстрелила пушка, хламовник быть хламовником не перестал.

Теперь двери были в каждой комнате – толстые, добротные двери, с медными ручками, медными же накладками и какой-то резьбой. Они открывались со скрипом, или не открывались вовсе, потому что разбухли, или их заклинило, или повело и перекорёжило. И на полу много где в беспорядке громоздились сломанные лавки и стулья, и ещё какие-то доски, и диван с разошедшейся и треснувшей обивкой, и столики с облупившимся лаком, и ветхие шторы, и что-то ещё, о чём Рита с ходу даже сообразить не могла.

Моль и мошки разлетались при их появлении, паутина слегка шевелилась от движения воздуха, пауки разбегались. Наверное, и мыши есть, как же в таком доме без мышей? Или Валик всех выловил?

Ладно, сейчас посмотрим, сядем и набросаем план работ. Что сначала, что потом. Сколько этажей, сколько комнат и всё такое.

Пока в основном встречались приличные комнаты – на третьем этаже гостиные и спальни, и гардеробная с кучей ветхих тряпок – эх, в музей бы их, и то после обработки и может быть бережной чистки и реставрации, потому что они ж при стирке рассыплутся окончательно! На втором этаже Валентин показал большую столовую – наверное, человек сорок можно усадить за стол, и чего эти непонятные люди хотя бы чехлами мебель не накрыли? Глядишь, и лучше бы сохранилась. Рядом со столовой располагалась просторная зала в два этажа высотой, с зеркалами, хрустальными люстрами и балкончиком под самым потолком – Валентин сказал, что бальная. Но паркет в этой зале разохся, и отдельные плашки торчали так, что можно запнуться и нос разбить. Шторы висели серыми пыльными облаками. В библиотеке, тоже занимавшей в высоту два этажа, прежние владельцы подкопили неплохую коллекцию книг, и Рита бы с удовольствием принялась эти книги рассматривать, потому что очень уж заманчиво выглядели корешки – все сплошь неизвестные, но, увы, Валентин тянул её дальше – потом, мол, посмотришь.

А дальше шёл первый этаж и подвалы. По широкой лестнице Рита и Валентин спустились в прихожую, то есть – в большой просторный холл, из которого можно было выйти на улицу. Рита и двинулась в том направлении, и большие двустворчатые двери сами распахнулись, когда она подошла достаточно близко.

Что ж, снаружи день ощутимо клонился к вечеру. И если дома весна нынче удалась холодная, то есть – не удалась вовсе, откровенно говоря – ну какая весна, если к концу мая даже деревья ещё толком не начали цвести, и одуванчики только на теплотрассе? То здесь с весной

всё хорошо, травка, цветочки лиловые – да прямо вот те самые цветочки, которые на тарелках были нарисованы!

– Что это за цветы, Валичек? – спросила Рита.

– А это любимые цветы самой первой госпожи Маргариты, до неё в здешних краях таких не росло. О ней рассказывали, что она шла по лесу – и цветы распускались там, где она ступала, хоть магом-то она и не была. Но так велика была их любовь с господином Гийомом, что в этом доме она всё равно что сама магией владела.

– Сказки какие-то, – не поверила Рита.

Но цветочки росли и выглядели очень симпатично. Какая разница, откуда они тут взялись, раз уж растут – то и хорошо. Рита не была огородницей, но в горшках на подоконниках у неё всё время что-то росло. И хорошо, что здесь уже есть цветы, хоть она и не отказалась бы съездить на здешний рынок и посмотреть – какую рассаду продают и какие саженцы, вдруг можно что-то прикупить в хозяйство?

– Валик, а деньги-то у нас есть? – спросила Рита кота.

– Ох, госпожа Маргарита, – вздохнул он, и Рита поняла, что с деньгами негусто. – Есть, но немного. А когда прослышат, что здесь появилась хозяйка, то придут и будут хотеть налогов, участия в городском благоустройстве и чего-нибудь ещё, что прописано в хартии местных жителей.

– Какой ещё хартии? – ну вот, что ещё за проблемы?

– Жители Верлена несколько сотен лет назад подписали хартию о том, что владеют окрестными землями сами, без сеньора, но сами и платят в казну всё, что причитается, и за дорогами следят, и за мостовыми, и за всеми общественными зданиями. И поэтому ещё вам придётся представиться господину мэру и городскому Совету – как новой владелице собственности на землях Верлена.

– Ещё, того и гляди, в трёхдневный срок? – нахмурилась Рита.

– Можно немного дольше, – дипломатично улыбнулся Валентин.

И повёл её дальше. Показал ту самую пушку, стоящую справа от входа, и конюшню, с виду подозрительно пустую, и голубятню, и ограду – странно невысокую.

– А чего забор-то маленький такой? – не поняла Рита.

– А того, дорогая госпожа Маргарита, что кого магией не испугаешь, того и стенами не удержишь, – сказал он назидательно.

И они пошли обратно в дом.

Кроме входного холла с большой лестницей наверх, на первом этаже располагались кухня и кладовые, и ещё лестница в подвал.

– Что в подвале? – строго спросила Рита.

На работе у неё были богатейшие подвалы. Строго говоря, хранить музейные предметы в подвалах нельзя, но когда ничего другого нет, то – будешь.

Валентин задумался.

– Сейчас, наверное, пусто, разве только в винном погребе что-то есть.

– Ну хоть напиться, по такому-то случаю, – вздохнула Рита.

Хотя – она вдруг с удивлением поняла, что дом ей нравится. Что она уже не боится предстоящего объёма работы, что как-то и где-то найдутся люди, с помощью которых это делать, и она сможет. И получится здорово и красиво. Кто бы ей в домашней жизни предложил дом просто за то, что она приведёт его в порядок? Нет, ей доводилось читать о домах за евро в аварийном состоянии, но все они находились в таких местах, где простым смертным поселиться не так-то просто. И вложить в них нужно было очень много, и вовсе не в рублях. А тут...

– Валик, ты ведь мне поможешь, да?

– Конечно, дорогая госпожа Маргарита, – тут же откликнулся кот, и ей показалось, что локтя на мгновение коснулись не пальцы, а шёрстка.

– Тогда, наверное, сдюжим, – кивнула она. – Что за этой дверью?

– Здесь стояли сундуки и шкафы для тех продуктов, которые не нуждаются в холоде и темноте, – Валентин открыл тяжёлую, жалобно скрипнувшую дверь и придержал для неё.

Рита вошла, огляделась – как везде. Грязное окно, почему-то открытое, разохшиеся дверцы шкафов, откинута к стене крышка сундука. И... она не сразу разглядела, потому что сгушались сумерки, но – на полу у сундука кто-то лежал!

– Валь, кто там?

Бедняга кот отодрал от себя её судорожно вцепившиеся пальцы и шагнул вперёд.

– Свет, пожалуйста, – попросил он.

И стало светлее! Под потолком зажглось несколько круглых ярких огоньков. И в их свете Рита отчётливо разглядела лежащего на полу молодого человека, по возрасту – как оставшийся дома Ванька, только сын хорошо питается и выглядит здоровым, а этого мальчика будто голодом морили – весь так и светится, кожа да кости.

Глаза его были закрыты, на шум, скрип и шаги он не отозвался. Но дышал. Похоже, был без сознания.

7. И никаких инструкций

– Кто это, Валя? Что он тут делает и как сюда попал? И почему такой худой? И куда его теперь девать? И... – Рита снова схватила его за плечо.

– Погодите, дорогая госпожа Маргарита. Не торопитесь. Сейчас разберёмся. Вы мне позволите? – кот подёргал свою лапку, то есть руку.

Рита опомнилась и отпустила кота, тот подошёл к лежащему мальчику, осмотрел его и даже потрогал.

– Молодой человек жив, но без сознания, – подтвердил кот то, что Рита уже подозревала. – И – он маг. У него истощение – и физическое, и магическое. И на его примере вы можете посмотреть, что бывает, если имущество осталось без присмотра. Любой, понимаете ли, маг может попасть внутрь. Или не любой, но – всё равно может. Он явно оказался внутри до того, как вы подписали договор. Потому и смог забраться в окошко, дверей-то ему не показывали.

– И... что теперь делать? Не выгонять же его! Он же... маленький и замученный!

– Где это вы увидели, госпожа Маргарита, маленького? – поинтересовался кот, а сам тем временем трогал лежащего мальчика за руки, за шею, за лоб.

– Конечно, маленький, он же как мой Ванька, – сообщила Рита и присела рядом.

– Не скажу... – вдруг тихо и отчётливо сказал мальчик. – Ничего не скажу. Сами узнавайте, как хотите, подлые предатели.

– Отчего это мы предатели? – поинтересовался кот. – Никого я не предавал, даже и не собирался.

– Его нужно показать врачу! Есть здесь врач? – поинтересовалась Рита.

– В городе – есть. Но именно врач, не целитель. А мага-целителя ещё пойдёшь найди, – сообщил кот.

Будто ей есть разница, как называть, врач или целитель! Надо помочь человеку – и точка!

– И что тогда? Что мы можем для него сделать?

– Отнести в кровать, раз уж вам захотелось побыть к нему милосердной. Если я хоть что-нибудь понимаю в людях, то к утру он очнётся и всё нам расскажет – кто предатели, и что он здесь делает.

– Убежище... – проговорил мальчик. – Найти убежище. Спрятаться самому и... не только самому. И ждать.

– Вот видите, госпожа Маргарита? Ждать. Помогайте.

Вдвоём они подняли мальчика с полу и дотащили до лестницы в большом холле. Попутно Рита ещё раз огляделась – ну и прихожка, всем прихожим прихожая! На стене напротив входа какой-то гобелен с мужиком на коне, а пол каменный, не деревянный. На потолке люстра с подвесками и паутиной. Ладно, разберёмся, утро вечера мудренее.

На улице стемнело, но везде, где они проходили, каким-то непонятным образом загорался свет. Чуть засветилась та самая большая люстра с паутиной, на лестнице вспыхнули факелы – неярко, но им хватало, чтобы не запнуться о ступеньку и не завалиться вместе со своим грузом. Так добрались до верха – и Валентин кивнул на какую-то приоткрытую дверь. Кажется, рядом с Ритиной спальней – той самой, в которой она ночевала.

В этой комнате они сегодня тоже уже были. Кровать с пологом, похожая на уже знакомую Рите, но немного другая. Не такая красивая, как Ритина, но и нет ощущения, что рассыплется от взгляда. Лавка, сундук. Столик возле кровати.

На эту кровать они мальчика и сгрузили, и Рита сняла с него сапоги – грязные, жуть! И накрыла одеялом.

– Валичек, ему б хоть воды тут поставить. А то проснётся ночью – и даже глотнуть нечего.

– Воды? Отчего нет? Попробуйте, госпожа Маргарита. У вас должно получиться.

– Что именно? – нахмурилась она.

– Попросить воды.

– Эй, кто там есть, воды дайте! Пожалуйста! – прокричала Рита куда-то в потолок.

Мальчик дёрнулся и глухо застонал, не открывая, впрочем, глаз. А Валентин закрыл руками уши.

– Зачем же так кричать, дорогая госпожа Маргарита? – страдальчески наморщился он. – Нежнее надо, спокойнее.

– Дайте, пожалуйста, воды, кто тут всем заправляет! Даже не мне, а вот для мальчика, – проговорила она, всё ещё глядя в потолок.

Но ничего не происходило.

– Заправляете тут теперь вы, – назидательно сказал Валентин.

– Что-то не верится, – покачала головой Рита. – Или мне не дали инструкцию. Вот как ты свет зажигал, пока мы шли? Я ничего не поняла.

– Наверное, вы просто устали, госпожа Маргарита, – вздохнул кот. – Завтра будет проще. Как вы сказали – утро вечера мудренее.

– Верно, так и сказала, но – поесть бы. Тут ужин бывает? Или только обед один раз в день?

– Тут бывает всё, что нужно хозяевам. И завтрак, и обед, и ужин, и напитки, и даже бананы заморские. Главное – правильно попросить.

– Научил бы, что ли, – со вздохом сказала Рита. – Как правильно. А учёная я сама буду понемногу справляться.

– Понимаете, тут нет заветной магической формулы. Нужно проникнуться. И понять.

– Да непонятливая я, – отмахнулась Рита. – И не выйдет у меня ничего.

– Выйдет, просто не сразу, – не согласился кот. – Вот представьте – мы с вами идём ужинать, а на столе... что?

– Картошечка, пюре. С котлеткой. С двумя. И салатик, из свежих огурцов, редиски и зелени, лука с укропом. И с яичком варёным. А заправлен – майонезом. Кто-то может подумать, что фу, а я люблю. И чай свежий, с бергамотом. А нет бергамота – так можно с мятой или чабрецом. И печеньице к чаю, рассыпчатое.

– Вы так это представляете, что и у меня слюнки потекли, – усмехнулся кот.

– А ты-то, хвост полосатый, что ешь? Нормальную еду или так, мышшей ловишь?

– А я, дорогая моя госпожа Маргарита, могу вообще ничего не есть. Но с удовольствием составлю вам компанию. Очень уж мне интересно, что у вас выйдет сейчас.

– Да ерунда какая-нибудь, как обычно, – отмахнулась Рита. – Но графин с водой и стакан для мальчика нам бы добыть. Такой... просто графин. И просто стакан. С просто водой. Если б я знала всю посуду в этом доме, то сказала бы конкретнее.

– Гляньте, – улыбнулся Валентин.

Рита глянула... и, что называется, уронила челюсть.

На столике возле кровати, на металлическом подносе, накрытом льняной салфеткой, стоял графин с водой – стеклянный, с узором. И с таким же узором – стакан.

– Но как? – заныла Рита, не понимая.

– Вам удалось, – Валентин поклонился ей и отворил дверь наружу. – Идёмте, посмотрим, удалось ли с ужином.

– Руки бы сначала помыть, – проворчала Рита. – После того, как в здешней грязи вала-дались.

– Прошу вас, – он галантно отворил дверь в умывальню – Рита её узнала.

Дверь захлопнулась за её спиной... а внутри было темно. Тьфу ты, да что ж такое-то, как с этим всем управляться-то!

Она зажмурилась и представила, как бы здорово здесь было, если бы вдруг стало светло – как в ванной дома. Но дома-то она не так давно повесила светодиодный светильник, а здесь

то что может быть, чтоб такое же яркое? Здесь же электричества-то нет, допотопия какая-то! Поэтому... самое яркое, что только можно. Вся умывальная посуда блестит. И позолота на горшке тоже блестит. И что там ещё. Окно, например. Чистое. В нём светильники отражаются...

Яркий свет резанул даже по закрытым глазам. Рита аккуратно приоткрыла их – мамочки!

Под потолком висели и переливались два десятка светящихся шариков. И они были изрядно ярче той светодиодной лампы дома! Посуда сверкала, зеркало на стене сверкало тоже, а было оно там раньше или же нет, Рита не помнила. Могла не заметить.

Вот так. Что ли нужно представить? И будет? А если водопровод представить, с краном? Ладно, это потом.

Она помыла руки и лицо, и горшок тоже пригодился. И уходя, громко сказала:

– Спасибо. Можно выключать, я ухожу.

И решительно шагнула к двери, а свет за её спиной послушно погас.

В гостиной Валентин поджидал Риту за накрытым столом. И что же? На блюде под крышкой лежали котлеты и картофельное пюре – с ямкой посередине, и в ней – растопленное масло. И салат – как она заказывала, и ещё отдельно на блюде тонко нарезанные огурцы и редиска. И серебряная солонка с крошечной ложечкой рядом – мол, если надо. Графин с водой, графин с вином. Стаканы, бокалы. Вилки, ножи. И заварник – с лиловыми цветочками, и такие же чайные пары. И горка песочного печенья на тарелочке.

– Праздник живота, – выдохнула Рита, садясь за стол.

Давно уже она не ела так вкусно, да ещё чтоб не самой готовить. Красота какая! А когда они с Валентином съели всю еду, то в большом чайнике сама собой закипела вода. Валентин заварил чай – листья лежали в ситечке внутри заварочного чайника, и там же – листики чабреца и мяты. Всё, как она просила!

После такого чудесного ужина оставалось только пойти спать.

– Кысь полосатый, а спишь-то ты где? – спросила Рита.

– Да где придётся, – вздохнул тот. – Клубком свернусь, и ладно.

– Если клубком, – она строго оглядела его, – то приходи ко мне под бок, как я улягусь. Всегда мечтала, чтоб кот под боком спал.

Правда, в спальне возникла трудность – спать в платье ещё раз Рите не хотелось, а ничего другого у неё с собой не было. А приличной одежды они нигде во время осмотра сегодня не встретили. Эх, просто майку бы какую, и то хлеб. Вот знать бы... Трусы-то ладно, можно постирать. И колготки. И лифчик. А вот платье у неё одно...

Рита подошла к кровати, открыла шторы и отвернула одеяло. И с удивлением увидела ночнушку! Вот прямо ночнушку, новенькую, из тонкой ткани вроде батиста, с вышивкой теми же лиловыми цветочками и кружавчиками. Стопроцентно натуральную, ничего чесаться не будет.

Она ещё раз сходилась в ванную – помыть всё, что можно, в таких условиях. Произнесла на входе строгим голосом – свет, пожалуйста! – и ей тут же включили тех самых волшебных шариков. Помылась, постиралась, надела сорочку и отправилась спать.

– Ну что вы, госпожа Маргарита, уже улеглись? – спросил Валентин из-за другой двери.

– Да, да, приходи.

Тяжёлое кошачье тело заскочило на кровать, прошлось по Ритиным ногам и улеглось с краю.

Спокойной ночи.

8. Утро в деревне

Сон Риты был беспокойным – ей всё время виделось, что она от кого-то прячется и кому-то что-то доказывает. И не понять, удалось или нет – и спрятаться, и доказать. Она просыпалась, не понимала, где находится, почему она спит на такой широкой кровати, и что это за шторы, и это ещё что такое тяжёлое на ногах лежит!

Потом тяжёлое на ногах начинало ворочаться и мурлыкать, она вспоминала, что у неё теперь вдруг есть какой-то странный дом, и ещё более странный кот, который готов охранять её сон. И спала дальше.

Дома утро начиналось с будильника. А здесь началось со страшного грохота. Рита подскочила на постели и испуганно прислушивалась – что такое-то, дома такой грохот обозначал бы, что крыша у дома провалилась, не иначе, или на улице рвануло что-то, а тут что за напасть?

Кот Валентин мягким прыжком слетел с кровати, обращаясь в полёте в человека.

– Я узнаю, что там, госпожа Маргарита, – поклонился и был таков.

Ладно, надо тоже встать и пойти разбираться.

Рита поднялась, умылась – в кувшине была приготовлена вода, а по невнятному запросу «Зубы-то есть чем почистить?» появился зубной порошок в серебряной баночке и щётка с отполированной деревянной ручкой. Дальше надеть высохшие за ночь предметы нижнего белья, платье, сунуть ноги в туфли и бежать вниз – там явно что-то происходило.

И да, там происходило. Рита пронеслась ураганом через прихожку с гобеленом и подкралась на цыпочках к входной двери. Дверь попыталась было открыться для неё, но Рита шикнула – мол, не прямо сейчас. И приложила ухо к щели между створками. Щель тут же гостеприимно приоткрылась – на пол-ладони, чтобы Рите стало не только слышно, но и видно.

А там было на что посмотреть. Прямо делегация явилась. Это что, те самые, которые за налогами? Или мальчика вчерашнего ищут – кстати, как он там?

Первым стоял невысокий плешивый мужчина с выразительными тёмными глазами, одетый в клетчатый глухой пиджак. О, сюртук, вот как это называется, – вспомнила Рита. А на шляпе у него была зелёная лента в тон клетке с красивой пряжкой.

За ним, оперев руки в бока, озирался по сторонам толстый седой замарашка – его рубашка была давно не стирана, жилетка засалена, а на штанах в районе коленок виднелись заплатки. Да и ботинки не мешало бы почистить. И одна из пуговиц на жилете оторвалась, прямо на самой выступающей части брюха. Зато на голове шляпа – правда, тоже серая и поношенная, и потерявшая форму.

На заднем плане расположились явно какие-то здешние шишки. Один был молод и носат, и костюм его сшили из хорошей ткани и по фигуре, и совсем недавно – прямо видно. Его чёрные волосы так и топорщились из-под жёлтой шляпы, в жёлтом шейном платке посверкивала застёжка – тьфу ты, в виде черепа. И пряжка на ленте такая же. Наверное, это потому, что молодой? Выделяется? А в руках у него – палка, нет, не палка, а как? Трость. Но не которая для хромых и бабушек, а которая для красоты. Чтоб в руках что-то было, не иначе.

А четвёртый у них здесь, кажется, самый главный. В годах, но – ему это не мешает вот несколько. Одет так, что даже не местной Рите понятно – за пределами дорого. И на голове-то у него цилиндр, обтянутый чёрным шёлком, и лента-то переливчатая, и в пряжке, походу, или кристалл от Сваровски, или вот прямо бриллиант. И поверх сюртука – шёлковый плащ, чёрный, с бордовой подкладкой. Перчатки белые, из тонкой кожи, трость резная. Из-под шляпы волосы кудрявятся – чёрные, точнее, уже местами седые, соль с перцем. И взгляд чёрных глаз – пронизательный и суровый.

И чего они все сюда припёрлись и шум подняли с утра пораньше?

Говорил клетчатый, что стоял самым первым.

– Уважаемый господин Валентин, вам придётся нас выслушать. От имени городского совета мы двое, я и господин Марсо, – он кивнул на неряху, – имеем право быть допущенными в любое строение на территории, входящей в городской округ Верлена. Этот дом, как все мы знаем, находится в ужасающем состоянии и требует немедленного ремонта. А должен быть полезен – городу и его жителям. И ещё все слышали, как вчера на закате здесь выстрелила пушка, которой не было слышно уже много десятилетий – почему? Что произошло?

– А произошло то, уважаемый господин Руа, что у дома господина Гийома появилась хозяйка, – сообщил кот с нескрываемым торжеством.

– Какая ещё хозяйка? – нахмурился тот, кого назвали господином Руа.

– Госпожа Маргарита, – изрёк кот с видом победителя.

Неряха, услышав это, погрузился. Двое хорошо одетых переглянулись, не понимая – и молодой, и старый. А клетчатый господин Руа пошёл в наступление.

– Господин Валентин, прекратите пичкать нас россказнями, мы не малые дети. Кто такова эта госпожа Маргарита и где она? Или это плод вашего воображения? Или, может быть, того хуже – ваше большое желание, которое вы выдаёте за правду?

Ну вот ещё, плод воображения! Рита нахмурила брови, набрала воздуха в лёгкие, со всей силы толкнула дверь...

И вывалилась наружу, потому что двери услужливо открылись для неё от малейшего прикосновения.

Она завалилась на кота – всеми своими килограммами, и лишними, и нужными, кот – на клетчатого господина Руа и неряху, а двое оставшихся успели отскочить. Младший прямо испугался и вытаращился, будто ни разу в жизни на него никто не заваливался, а старший догадался подать Рите руку и помочь подняться – правда, смотрел при этом тоже с изрядным изумлением.

– Это вы – госпожа Маргарита? – он вот прямо пожирал её глазами от макушки до пяток и обратно.

– Она самая, – хмуро кивнула Рита.

Рита изо всех сил пыталась встать поустойчивее, но ей никак не удавалось, а потом она поняла – каблук, зараза такая, сломался. Оторвался напрочь, вон валяется, даже на сопельках не удержался. Ничего нет глупее, чем знакомиться с важными шишками без одного каблука! Она сбросила обе туфли – и целую, и увечную – и взглянула на мужика.

– А вы тут кто? Мэр или нотариус?

– Ни то ни другое, – с улыбкой поклонился мужик. – Граф Джилио, к вашим услугам.

Его имя ей что-то напомнило, что-то неуловимое. Ну да ладно, показалось. Так-то она тут никого не знает.

– И что вам тут понадобилось, уважаемый граф Джилио? Кстати, что, прямо настоящий граф, да? А графы существуют?

– Уверю вас, самый настоящий, и да, я существую, – он вновь поклонился.

И кажется, она его чем-то насмешила, наверное, босыми ногами. Ну что теперь, сам видел, как нагнулась!

Тем временем клеточка, неряха и Валентин тоже поднялись и отряхнулись, и кот подошёл и встал рядом с Ритой.

– Господа, я свидетельствую, что перед вами – госпожа Маргарита, законная владелица дома господина Гийома. Извольте взглянуть, – он жестом фокусника извлёк из воздуха и развернул плотный лист.

Рита пригляделась – ага, тот самый, который она вчера подписала. Вот бы ей научиться его так же из воздуха вытаскивать!

Клеточка, неряха, граф и юноша с черепом разом склонили головы и уставились на документ.

– Похоже, – вынес вердикт неряха. – Батюшка рассказывал мне, что на такой бумаге всегда стоит подпись господина Гийома, и подписать её может только законный владелец, принявший наследство в согласии с его волей. А без его воли не получится, сами понимаете.

Во всеобщем молчании голос графа Джилио прозвучал как-то зловеще:

– Так, господин Руа, и о чём вы забыли мне рассказать?

9. Непредвиденное обстоятельство

Рите тоже было очень интересно, что вообще происходит.

– Валентин, будь любезен, просвети – это вообще кто? И чего они заявились с утра пораньше с грохотом и шумом? Не могли предупредить, что придут? И что им здесь нужно?

– Ох, госпожа Маргарита, это люди, которые имеют право задавать нам вопросы, – вздохнул Валентин с виноватым видом.

– Начальство, что ль? – нехорошо сощурилась она.

Начальство не начальство, но совесть иметь нужно. На что они вообще рассчитывали, когда вот так припёрлись?

– Господин Жермон Руа – мэр Верлена, – а клетчатый снял шляпу и поклонился, глядя, впрочем, с опаской. – Господин Алоиз Марсо владеет единственной в городе гостиницей, там можно останавливаться, когда мы приедем в город, – неряха тоже взялся за шляпу и поклонился, а Рита подумала – если у него и гостиница такая же, как он сам, то лучше ночевать где-нибудь в другом месте. – А другим господам я, увы, и сам не представлен, но, судя по их виду, они приезжие.

И Валентин с вопросительным выражением лица уставился на господина, как оказалось, мэра. Прямо носом повёл, принюхиваясь. Мэр понял, что совершить процедуру знакомства придётся ему.

– Итак, господа... и дамы, – он оглядел босую Риту и нахмурился ещё больше – если это вообще возможно, конечно. – Господин Валентин – э-э-э... местный житель. Живёт в этом доме.

– Верно, – улыбнулся кот, и даже подмуркнул, как показалось Рите.

– Господин граф Джилио приехал в Верлен три дня назад, у него здесь... коммерческий интерес.

Богатый граф с коммерческим интересом тоже снял шляпу и поклонился.

– Очень приятно познакомиться со столь... необычной дамой, – сверкнул он чёрными глазами.

– А господин Морель – корреспондент столичной газеты. Он изволит собирать наши местные слухи и легенды. И вы понимаете, господин Валентин, он не мог пройти мимо этого дома.

Франтоватый парень поклонился, а Рита подумала – ну и зря не смог пройти, лучше бы прошёл. Всем лучше.

– И мы бы хотели побеседовать с вами и с... госпожой Маргаритой, – хмуро продолжил мэр. – Если это возможно – не на пороге.

– Если вы рассчитывали на чашку кофе с утра – то извините, не приготовили, – отрезала Рита. – Потому что сами знаете – незваный гость, он хуже татарина. А незваный гость с утра пораньше – он я даже и не знаю, хуже кого. Я думаю, на порог их пустить можно, – глянула она на Валентина, – но не дальше. Сейчас, минутку подождите.

Рита подхватила туфли и скользнула в двери. Бросила предателей в угол, огляделась. Пыль и срach. Сейчас ей скажут, что хреновая она хозяйка. А не скажут, так подумают. А она нормальная, просто не успела ещё.

– Домик-домик, повернись ко мне передом, а к ним задом, хорошо? В смысле, пусть тут станет почище? Можно ненадолго, на пока мы тут поговорим, ладненько? Пожалуйста. А я потом тебя почищу, помою, и что ещё надо – тоже сделаю. Как-нибудь. Потихоньку. Понемногу. Маленькими шажками. Очень прошу.

И Рита не придумала ничего умнее, как – поклониться в пояс. Разогнулась... и разинула рот.

Каменный пол засверкал. И плиты-то тут не просто так, а складываются в какой-то замысловатый геометрический рисунок. Окна тоже сияли чистотой, и рамы радовали глаз свежей краской, и ручки на них отражали свет люстры. А люстра под потолком оказалась... в общем, дорогой и навороченной она оказалась, с кучей хрустальных подвесок, которые мыть по одной – замучаешься, а тут раз! – и готово.

И лестница, ведущая наверх, тоже заблестела – ступени очистились и покрылись свежим лаком. В общем, красота.

Так, теперь уже можно и позвать кого-то внутрь. Но – не дальше прихожей. А то, что в той прихожей стол на полста человек можно накрыть, и ещё место останется танцевать вокруг – ну кого это волнует?

Рита выглянула на улицу – там мужчины переговаривались хмуро и негромко – и сказала: – Так и быть, заходите.

Валентин как увидел перемены, так глаза у него и засверкали.

– Люблю вас, дорогая госпожа Маргарита, – произнёс он единым духом.

Остальные заходили и оглядывались – с любопытством.

– Ох ты ж, как тут на самом-то деле, я ж знал, что мне голову морочили – ну, тогда, давно, вы ж, господин Валентин, и морочили, – усмехнулся неряха господин Алоиз.

Кот ухмыльнулся. Похоже, этих двоих что-то связывает, и нужно будет узнать – что именно.

Господин мэр вошёл и встал у дверей, всё ещё хмурясь, а двое приезжих красавчиков жадно оглядывали предоставленный им холл. Младший только что не принялся, а старший одобрительно поглядывал на краску стен, на белейший потолок и подвески люстры.

– Итак, госпожа Маргарита, поведайте нам: откуда вы взяли так своевременно? – спросил мэр.

– Откуда надо, оттуда и взялась, – недружелюбно ответила Рита. – Скажите, в чём вообще вопрос? Дом тут у вас сотню лет, если не больше, стоял и рассыпался, и вам было на его состояние сохранности наплевать с высокой ветки, а как только появился человек, готовый привести его в порядок, так возникли какие-то претензии? Это что вообще?

– Понимаете, на землях округа не должно быть ничего ненужного и лишнего, но должна быть польза и вообще благолепие, – пояснил мэр. – Господин граф готов взять под опеку этот дом и сделать его полезным для общества, так ведь, господин граф?

Господин граф как будто немного удивился, но – кивнул.

– Да, верно, польза – превыше всего, – усмехнулся он.

– А откуда взялся господин граф и с чего решил причинять тут пользу? – упёрла руки в бока Рита. – И как-то подозрительно – то, значит, бедный домик никому не нужен, а то целая очередь желающих эту самую пользу творить! Очень подозрительно, хочу вам сказать! И вообще, у меня документ.

– Магический, – вкрадчивым голосом подсказал кот. – Это значит – напомним тем, кто подзабыл, – что и дом тоже признал госпожу Маргариту. И дому в настоящий момент не нужен никакой другой владелец.

– Дом... продолжает рассыпаться, – выпалил мэр.

– Ничего подобного, ремонтные и реставрационные работы уже начались, – покачала головой Рита. – И вообще, стоял бы дом посреди городской площади – был бы разговор. Но он в лесу, и кого волнует, что тут вообще, это частные владения!

– Но вы не справитесь, уважаемая госпожа, – улынулся граф Джилио.

– С чем это я не справлюсь? – поинтересовалась Рита. – С ремонтом и уборкой? Да ну? Сами-то много убирались в жизни? А с предметами старыми тоже обращаться умеете? Знаете, как обеспылить, как убрать загрязнения и коррозию, как законсервировать от разрушения, как возместить утраты?

– А вы – что, всё это знаете? – изумился граф.

– А то, – сообщила Рита. – И раз меня выбрали и доставили сюда, значит – никаких разговоров. Моё. А надо пользу приносить – так вы скажите какую. Принесём. Всем хватит и ещё останется.

– Господин граф обещал помимо восстановления дома господина Гийома сделать вклад в просвещение городских жителей и вообще на нужды города, – вкрадчиво сказал мэр. – А вы что можете?

– А я могу... музей. Да, музей. Вы хоть знаете, что это такое? У вас есть хоть один?

Важные люди недоумённо переглянулись, один только граф смотрел с усмешкой.

– Госпожа Маргарита, не скрою, я тоже весьма заинтересован в этом доме. Давайте заключим с вами пари, – предложил он. – Я, так и быть, готов дать вам право первого хода, шанс и что ещё бывает, раз уж вы успели сюда первой. Сколько вам нужно времени на то, чтобы восстановить дом? Учтите, у меня есть на это средства, а у вас? Так вот, давайте так – вы позволите мне вложиться в некую оговорённую часть дома, а вы возьмётесь ещё за какую-нибудь. Мы назовём срок, например месяц, и посмотрим, у кого лучше выйдет. Если у вас – то я сниму все свои претензии и шляпу заодно, и просто помогу вам с остальным. Но если вы не будете справляться, то вам придётся добровольно уступить дом мне.

– Валентин, это вообще что? – поинтересовалась Рита у кота. – Что это он мне тут условия ставит? Читать не умеет?

Кот вздохнул.

– Понимаете, госпожа Маргарита... такое условие тоже есть. Если хозяин этого дома окажется ненадлежащим, то его можно сменить, и это не будет нарушением воли господина Гийома. Однажды... двести пятьдесят лет назад уже случилось подобное, и вопрос был решён при помощи пари.

Рита успела заметить, как граф улыбается неряхе Алоизу. Тот-то каким боком во всём этом?

– И кто же будет судьями? – нахмурилась Рита.

Вообще ей стало до чёртиков обидно – она только-только примирилась с мыслью о том, что проведёт какое-то время здесь, вот на этой работе, и у неё наконец-то будет кот, и тут – на тебе! Кто-то желает отжать и работу, и жильё, и кота тоже!

– Господин Гийом, то есть – его дом, выразит свою волю, когда придёт время. Или в процессе. Госпожа Маргарита уже принята за хозяйку, а господину графу ещё придётся доказать свои намерения, – сообщил кот. – Но вообще нас здесь достаточно. Итак, претенденты – госпожа Маргарита и господин граф Джилио, со стороны господина графа свидетели – господин Руа и господин Марсо, а со стороны госпожи Маргариты – я...

– А я претендую на то, чтобы первым осветить всю историю в прессе! – воскликнул молодой человек из газеты.

Мэр глянул на него сурово и вздохнул. Рита тоже не видела ничего хорошего в том, чтобы светиться в новостях, но ничего ж не поделаешь!

– Вашу руку, госпожа Маргарита, – граф протянул ей свою, сняв перчатку.

Ничего не осталось, кроме как пожать.

Впрочем, рука в него была ухоженная и сильная. Он пожал ей руку аккуратно, а потом наклонился и поднёс к губам. Вот так, Ритка, наслаждайся.

– Засвидетельствовано, – сказал старый неряха Алоиз.

– Засвидетельствовано, – с неохотой кивнул кот.

Сверху донёсся звук, похожий на удар часов.

– Госпожа Маргарита, вы должны тем не менее явиться к нотариусу и в мэрию, и зарегистрировать договор, потому что вы сейчас являетесь владельцем спорной собственности. И уплатить налог, и возможно, там есть что-то ещё, – сообщил мэр.

– Если госпожа Маргарита не может уплатить налог, то я готов поспособствовать... на определённых условиях, конечно же, – улыбнулся гадкий граф.

– Чего не смогу-то, смогу, – угрюмо сказала Рита.

Она совершенно не понимала, как платить, чем и вообще.

– Только когда соберётесь в город, извольте одеться, – ядовито сказал мэр.

– Что? – не поняла Рита. – Я вроде одета.

– Ничего подобного, – отрезал мэр. – Даме неприлично показываться на глаза мужчинам в таком виде.

– Госпожа Маргарита издалека, там другие обычаи, – покачал головой кот.

– Раз она решила сделаться здешней землевладелицей, то пусть принимает наши обычаи, – ехидно сказал мэр. – Я пришлю вам свою дочь, она станет помогать вам здесь, и с одеждой поможет тоже.

– Спасибо, – кивнула Рита.

Ну, поглядим. Выпроводить этих вот – и поглядим.

10. Объяснения

– Котик-котик, мохнатый животик, шерстяное ушко, белое брюшко, полосатые усы нефигической красоты! Давай-ка колись, о чём ты ещё умолчал? – спросила, сощурившись, Рита, глядя Валентину прямо в жёлтые бесстыжие глаза. – А то – сначала вот тебе дом, будет твой, все дела, только бумагу подпиши, а теперь что?

Валентин запер за незваными гостями тяжёлый засов на входной двери, а потом обратился в кота, подбежал к Рите и принялся мурлыкать, тереться об ноги и умильно заглядывать в глаза. Рита взяла его за шкирку – пришлось изловчиться, – а он обмяк и повис.

– Ты, скотина пушистая, даже и не думай подлизываться, а честно рассказывай – о чём ещё в той бумажке ни слова не было, а все знают и, того и гляди, заявятся и потребуют?

Шикнула на него и поставила обратно на пол.

– Дорогая госпожа Маргарита, кто ж мог подумать-то, что этот граф откуда-то возьмётся? Валентин вновь стал человеком, и вид у него был самый несчастный.

– Ну не он, так ещё кто-нибудь! Раз этот дом всем так нужен! И вообще, я хочу кофе. И поест. И всё обсудить. Потому что я не подписывалась спорить с местными авторитетами, ясно? Мне ещё моя жизнь дорога! Знаю я, чем всё это заканчивается – когда сначала вот так, а потом – предложение, от которого нельзя отказаться, и всё, пропала моя голова. Твоя-то, может, и ничего, ты у нас то кот, то дух, то вообще хрен знает кто, а я-то живая! И хочу таковой остаться!

– Никто не посмеет угрожать вам, дорогая госпожа Маргарита. Но... в самом деле, наследство можно оспорить. Но вы обязательно выиграете! Потому что вы уже договорились с домом, он вас принял!

– Так и он договорится, делов-то? – Рита чуть не плакала. – Что ему мешает? И что тебе мешало подождать пару дней и не дёргать меня вообще? Жила бы себе дальше, а сюда бы к тебе этот хрен с горы припёрся!

– Ваше право первенства ему помешает, дорогая госпожа Маргарита. И вообще, идёмте. Вы правы, нужно позавтракать. Арро, травяные отвары, свежая ветчина, оладьи со сладким сиропом – годится?

– Угу, – всхлипнула Рита.

Вцепилась в его руку и пошла наверх.

А наверху их поджидали посторонние и подозрительные звуки. Будто кто-то уже ковылялся в том самом старом хламе, о котором они сейчас спорили.

– Что там? – Рита сжала руку Валентина так, что тот аж остановился.

– Мальчик, – сказал он со вздохом – вот, мол, непонятливая, всё забыла!

Точно, ещё же мальчик. А-а-а, всё сразу! За что только!

Рита отпустила кота и пошла посмотреть, что там с мальчиком. В конце концов, это её дом. И она просто так не отдаст его никому – ни мальчикам, ни мужикам, ни мэрам, ни графам, ни модникам, ни засранцам.

Мальчик был в комнате, сидел на кровати, натягивал сапог. Увидел Риту и Валентина за её спиной, схватил второй сапог и прицелился. Только не хватало ещё сапогом по роже получить, тяжёлым и грязным!

– Мы не враги, мальчик. Если сможешь внятно объяснить – кто ты есть и откуда здесь взялся, – сказала Рита.

– А... вы кто? – спросил мальчик.

Он по-прежнему выглядел тощим и измученным, но серые глаза сверкали, и тёмные волосы задорно топорщились.

– Я Рита, хозяйка этого дома. Это Валентин, он тут живёт. Как тебя зовут?

– У дома не было никакой хозяйки, и никто тут не жил, – недоверчиво сообщил мальчик.
– Ещё один, – вздохнула Рита, подняв взгляд к потолку. – Твою ж мать, на мою голову.

Домик-домик, дай ему по башке. Но не сильно, чтобы жив остался.

Никто не понял, каким образом с потолка прямо на голову мальчика вылилось примерно ведро воды, и меньше всего он сам.

– Не веришь? – спросила Рита. – Не верь и дальше, сиди в луже. А мы завтракать пошли. Домик, спасибо.

Она развернулась, подхватила Валентина под руку и пошла в гостиную, где вчера кормили. Ожидания оправдались – на столе стоял завтрак, и накрыто было – внимание – на троих.

– Ага, значит, нашего гостя тоже посчитали. Ладно, Валик, сходи, пожалуйста, глянь, как он там. А то ещё будет сидеть, носом швыркать, простынет и помрёт, мне оно зачем? Я обещаю всё тут одна не съесть.

А про себя подумала, что будь у неё такой домик раньше, то Ваньку и Сеньку она бы только так и воспитывала. Вроде и пальцем не тронула, и очень ясно продемонстрировала свои намерения. А то ведь слова помогали далеко не всегда.

Рита осмотрела стол – всё, как и говорил Валентин. Кофе и чай, он называл их какими-то странными словами, надо выпросить и выучить. Оладьи – свежайшие, к ним масло, сметана и сладкий сироп. Варёные яйца, ветчина, хлеб – ещё тёплый. Ну где они там, пусть пошевеливаются. Есть хочется – сил нет.

Валентин появился совсем скоро, мальчик шёл за ним. Он был чист и свеж – надо же, постарались.

– Госпожа Маргарита, это господин Филипп, он пришёл из-за гор, – сообщил кот.

– Значит, пусть садится, ест и рассказывает, как он сюда попал и что ему надо, – пожалала плечами Рита.

Проходной двор, а не заколдованный дом в лесной глуши в получасе езды от ближайшего города!

– Простите меня за недоверчивость, госпожа Маргарита, – наклонил голову мальчик. – Я думал... что вы можете быть связанными с моими врагами.

– Откуда враги-то, в твоём возрасте?

– А что с моим возрастом? – не понял мальчик.

– Сколько тебе лет-то?

– Двадцать один, – сообщил он с таким видом, будто уже тридцать, и трое детей, и две машины, и дача, и отпуск на море, и что там ещё.

– Вся жизнь впереди, – выдохнула Рита.

– Возможно, – не стал спорить мальчик Филипп. – Но для этого мне нужно сохранить ту самую жизнь. Я был бы вам весьма благодарен, если бы вы предоставили мне убежище. Настоящий хозяин этого дома может сделать так, что здесь никогда не найдут – кого-то или что-то. Сделайте так, чтобы меня не нашли, пожалуйста, госпожа Маргарита, – и он вежливо наклонил голову. – Взамен за это я буду служить вам здесь и выполнять всё, что скажете.

– Я не зверь какой и готова оказать тебе услугу – в обмен на услугу. Да, мне нужны люди. Ты вообще что умеешь делать? – строго спросила Рита.

– Я... я вообще маг, – сообщил мальчик.

– Наверное, это ох как много значит, но не для меня, – покачала Рита головой. – Тебе придётся рассказать. Я должна знать, во что ввязываюсь, ясно вам, вы, оба? Один уже втравил меня неизвестно во что, а теперь и второй подтянулся.

Филипп недоумённо взглянул на Валентина, тот потупился.

– Госпожа Маргарита, я расскажу обо всём, что вы захотите знать.

– И ещё о том, о чём я не спрошу, потому что понятия не имею, что нужно спрашивать, да? – усмехнулась Рита. – А ну, живо за стол, оба, и живо есть, а потом поговорим.

Оба повиновались, сели и принялись есть. Видимо, мальчик изрядно проголодался – потому что ел жадно и почти не глядя на то, что именно ест, но – очень аккуратно, и вилку с ножом держал красиво. Воспитанный, не иначе. И не поднимал глаз от тарелки. А Валентин поглядывал на него с интересом.

Когда все тарелки опустели и можно было налить кофе и немного расслабиться, Рита спросила:

– Итак, Валечка. Что мне ещё следует знать о доме, о тебе, о местной жизни и об этом вот мальчике?

– Всё самое важное вы уже знаете, – твёрдо сказал Валентин. – Этот дом нуждался в хозяине, и я отыскал вас. Вы подходите – и по имени, и по сути. Я понятия не имел, что откуда-то вылезет этот граф, и я знать не знаю, что ему здесь понадобилось, вот. Видимо, он побеседовал в городе с разными людьми, и ему указали на Алоиза Марсо. Тому и впрямь случилось однажды побывать в доме – в далёком детстве. Все местные дети пытаются сюда забраться, но никому не удаётся, потому что – просто так сюда не попасть, двери откроются только хозяину. Но Алоиз немного маг, самую малость. Он не умеет ничего создать, но может видеть скрытое. Поэтому он увидел растворенное окно и забрался в него – вроде Филиппа. Побродил внутри, испугался голосов, шорохов, шумов и скрипов, да и вылез обратно. И всем рассказывал, что тут нечисто. И читал городские хроники – всё, что относится к этому дому; наверное, больше него сейчас в городе никто не знает о господине Гийоме, его жизни и всяких событиях, связанных с этим домом. Видимо, граф Джилио чем-то соблазнил его, раз он рассказал о возможности оспорить право на владение. Такой случай действительно был, и в итоге оказался дому на пользу. А сейчас – нет, таково моё мнение. Но увы, граф бросил вам вызов, и вы не могли его не принять.

– И что делать? – хмуро спросила Рита.

– То же, что вы и собирались. Ехать в город, подтверждать свои права, и если граф будет настаивать, – выделить ему часть дома в благоустройство. А выйдет у него или нет – я сказать не возьмусь. Точнее, я ему помогать не стану, обещаю, а как он сам будет справляться – даже и вообразить не могу. Вот, я сказал всё, что знал.

Рита по-прежнему смотрела хмуро и очень удивилась, когда услышала голос мальчика Филиппа:

– Он говорит правду, госпожа.

– А ты откуда знаешь? – она повернулась и глянула испытующе.

Ничего не углядела – мальчик как мальчик.

– Я маг. И я знаю, правду говорят или нет.

– Очуметь, – восхитилась Рита. – А я вот – не знаю, и ты сможешь навешать любую лапшу мне на уши. От кого ты прячешься?

– От полиции, – сообщил мальчик, глядя Рите в глаза. – Я был участником тайного общества, которое борется за свободу. И... мне пришлось бежать, иначе бы меня казнили.

Вот так заявочки! Полиция? Казнили? Господи, куда она попала-то?

– Филипп забыл добавить, что полиция – имперская, не наша, – пояснил Валентин. – Но если узнает наша, то тоже забеспокоится. Революционеров у нас не любят.

Тьфу, ерунда какая. Ещё и революционеры. Только не хватало! Ну да, ну да, за что их любить? Беспокойство одно.

– Ну что, маг Филипп, чем докажешь, что пользы от тебя больше, чем вреда? – спросила Рита.

– Он говорит правду, госпожа Маргарита, – сообщил кот.

– Да вы как сговорились, – усмехнулась она.

– Я могу поклясться, – сказал Филипп.

– Давай, – махнула Рита рукой.

– Обещаю и клянусь не делать ничего во вред госпоже Маргарите, служить ей, пока она меня не отпустит, и приносить ей пользу по мере моих магических и человеческих сил, – сказал он и поклонился.

– Хорошо, принимаю, – кивнула Рита. – Буду тебя кормить, поить и укрывать.

И снова где-то в недрах дома раздался звук вроде удара тяжёлых старинных часов.

И почти сразу же – опять шум снизу. Валентин и Филипп пошли разузнать, и мальчик вскоре вернулся.

– Господин Валентин говорит, что там прибыла барышня Руа.

11. Навстречу приключениям

Эрмина читала бабушке газету.

Пачку газет прислали из самой столицы, и был это «Репортёр», в котором служил захажи-вавший в дом Руа господин Морель. Бабушка сказала: необходимо выяснить, что такое пишет этот молодой человек и за что его из Паризии сослали в Верлен – это ж просто так не происходит, всякому понятно.

И теперь Эрмина читала бабушке статьи, которые были подписаны Жоржем Морелем, а заодно и ещё всякое другое, что можно было встретить в той газете. Сама же госпожа Руа разменяла восьмой десяток, глаза уже были не те, что в юности, и она то и дело просила кого-нибудь из внучек посидеть с ней и почитать или рассказать последние новости.

Сегодня новости были о том, что за лесом, где нет никакого жилья, кроме волшебного дома господина Гийома, вчера на закате палила пушка. А с чего бы ей палить – того никто не знал, и наутро, чуть свет, в дом отправились сам господин Руа, господин Марсо – хозяин гостиницы и трактира при ней, и двое приезжих. Господин Морель, журналист, остановился в той самой гостинице, а господин граф Джилио приобрёл небольшой домик через забор от дома семьи Руа. Тот домик продавала вдова господина Марморио, которая хотела уехать к южному побережью, где у неё проживала замужняя дочь с внуками, и предложение графа Джилио оказалось ей очень кстати. Слуги госпожи Марморио не поехали с ней и остались в доме, и кое-кто из прислуги в доме Руа имел там приятелей, например горничная Эрмины и Эжени Бабетта, которая дружила с Люсиль, горничной соседки. И рассказала, что граф велел отмыть и отчистить дом до блеска, в быту был непритязателен, ел очень умеренно и никаких разносолов не требовал, но не терпел, если его приказаний не выполняли. Сказано подать завтрак в шесть – значит, нужно подать его в шесть и ни минутой позже. Сказано приготовить вот этот костюм – значит, нужно пойти и сделать. И письмо доставить на почту вот прямо сразу, а не как дела в той стороне появятся. И не сметь подслушивать и подглядывать, и вынюхивать тоже. И вообще. Люсиль не привыкла к таким строгостям и оттого страдала. Бабетта же привыкла, что обе госпожи Руа – и старая, и молодая – держат дом и всех его обитателей в строгости, поэтому только плечами пожимала да фыркала, когда рассказывала обо всём этом Эрмине.

А Эрмина, хоть и прилежно читала историю о привидении в столичном особняке, как до того – историю о таинственных смертях в пригороде Паризии, но мыслями была далеко. Ей было очень любопытно, что происходит в доме господина Гийома – почему вдруг там выстрелила пушка, за всю её жизнь такого не случилось ни разу. Стоит ли ещё дом или с ним что-то случилось? И вообще, та же Бабетта несколько лет назад бегала к тому дому, как все уважающие себя дети Верлена, но дверей не нашла, а в окошко полезть не решилась. У Эрмины не было возможности пойти просто так гулять в лес, потому что ни её, ни Эжени не выпускали из дома без взрослых, а никто из взрослых никогда бы не согласился пойти в лес и тем более – в дом господина Гийома.

И кто ж знает, до чего бы она додумалась, но хлопнула входная дверь, и громкий голос батюшки, господина Руа, раздался от входа. Он призывал к себе супругу и вторую дочь – Эжени.

– Детка, сходи узнай, что там, – велела бабушка. – Или лучше даже скажи Жермону, пусть придёт сюда и сам всё расскажет.

У бабушки пять лет назад отнялись ноги – однажды утром она не смогла встать с постели. С тех пор она если и передвигалась по дому, то в специальном кресле с большими колёсами, и жить переселилась в первый этаж со второго – чтобы не знаться с лестницами. Но она была в курсе всего, что происходило в доме, и по возможности – в городе.

Эрмина любила бабушку – та всегда была к ней добра, даже больше, чем к сестрице Эжени. У бабушки всегда находились для Эрмины добрые слова, и хорошие советы, и интересные разговоры. Поэтому она отложила газету, поднялась и пошла разузнать – что случилось и чем взволнован отец.

– Эрмина, где Эжени? – спросил отец, стоявший посреди гостиной.

– Вместе с матушкой отправилась к госпоже Сэ, – матушка всегда берёт с собой Эжени, когда отправляется в гости, все уже привыкли.

– Немедленно отправь за ними кого-нибудь! Они мне нужны, обе, и как можно скорее!

Бабетта побежала на соседнюю улицу за матушкой и Эжени, а Эрмина привела отца к бабушке.

– Чем это вы с утра заняты, мой драгоценный сын?

Эрмина всё время не могла отделаться от ощущения, что бабушка над отцом посмеивается. Вообще такое и вообразить-то было в их городе нельзя – как это, смеяться над мэром господином Руа! – но бабушке можно всё.

– Расскажу, – кивнул отец, усаживаясь. – Эрмина, скажи, чтоб подали арро.

Эрмина предпочла бы послушать, но не посмела послушаться отца, поэтому отправилась на кухню и передала его повеление. И вернулась.

– Так вот, представляете, матушка? Эта особа, которая называется владелицей дома, изволила предстать перед нами в разноцветной сорочке до колен и с голыми ногами, и всё! Если б она была юной девицей, я бы подумал, что она ищет мужского расположения. Но это дама в годах! Если она явится в таком виде в город, это будет скандал!

– Я смотрю, там уже имел место скандал, – усмехнулась бабушка. – Говорила я вам, сын мой – не трогайте вы этот дом, пусть все, кто хочет его заполучить, справляются сами. Вы же для чего-то решили вмешаться. Вот теперь и получайте на орехи всё, что заслужили.

Эрмина забыла, как дышать – никто, никто во всём городе не осмеливался так разговаривать с отцом! Только бабушка. И отец не возражал, а только склонил голову и вздохнул.

– Наверное, вы правы, матушка, – кротко сказал он. – Но сделанного уже не поправить.

Горничная бабушки Сюзетт принесла большой поднос с арро, сахаром, сливками и сладкими булочками. Следом за ней появилась матушка, а из-за матушкиной спины недовольно морщила нос Эжени. Ну конечно, она рассчитывала послушать последние новости, которые матушка с госпожой Сэ могут обсуждать до заката, или отпроситься и пойти гулять с Аннет, дочкой госпожи Сэ. А тут пришлось возвращаться домой – неизвестно для чего.

– Что случилось, Жермон? Отчего вы переполошили полгорода? – матушка тоже недовольна, что пришлось вернуться.

– Значит, так было нужно, Софи, – отрезал отец. – Сядьте и послушайте. У дома господина Гийома объявилась хозяйка – странная особа, никто не знает, откуда Валентин её притащил. В городе её никто не видел, и даже Алоиз Марсо клянётся, что такая у него не останавливалась, а он хоть и подслеповат, такую особу никак бы не проворонил. Мне нужно знать, что она замышляет и что будет делать, и ещё её нужно привести в приличный вид, а то заявится в город и всех до обморока доведёт. Поэтому, Эжени, собирайся, ты сейчас поедешь туда и останешься с ней, пока я не скажу, что уже можно вернуться домой. Или пока странный вопрос с этим домом как-нибудь не разрешится.

– Почему я? – вскричала Эжени. – За что? В этот ужасный дом, он где-то в глуши, там никого нет, и там страшно!

Голос у неё громкий, в матушку.

– Почему Эжени? – вторила ей матушка.

А Эрмина только вздохнула про себя – эх, опять Эжени выпадает что-то интересное. А она и не оценила, ей того не надо.

– А ну, тихо, – сказал отец, и обе они замолчали. – Эжени потому, что от неё дома нет никакой пользы! Ни с матушкой посидеть, ни младших занять! Пусть хоть так от неё толк будет!

– А какой должен быть толк? – взвилась матушка. – Ей всего шестнадцать, и ты отправляешь её куда-то, где её ждёт неизвестно что!

– Ей рано или поздно придётся выйти замуж и отправиться туда, где её будет ждать неизвестно что, – саркастически заметил отец. – Может быть, пора начинать?

Дальше начал твориться какой-то кошмар, потому что Эжени рыдала, матушка ругала отца, сверху прибежала маленькая Мадлен и тоже разревелась, услышав и увидев всё происходящее.

– Да замолчите вы все! – батюшка в гневе стукнул кулаком по столу.

Стало тихо, разве что тихие всхлипы доносились от окошка, возле которого рыдала Эжени, и от двери, где плюхнулась на пол Мадлен. И тогда Эрмина решилась.

– Батюшка, может быть, я отправлюсь вместо Эжени? А она попробует дома – и справится. Она знает и умеет всё то же самое, что и я, у неё получится.

– И что, Эжени будет выполнять всё то, что делаешь дома ты?

– Я думаю, она постарается, – сказала Эрмина. – Эжени, ты ведь постарайся?

– Да, да, – истово закивала сестра. – Я постараюсь.

– Тогда поднимай Мадлен с пола, отведи в детскую и проверь, где там няня! А потом придёшь читать газеты бабушке, – сказал отец сурово, и Эжени тут же подскочила и выбежала из комнаты бабушки вместе с Мадлен. – Эрмина, собери вещи – на неделю, не больше, потом я за тобой пришло. Твоё дело – смотреть за всем, что там происходит, и помочь хозяйке, госпоже Маргарите, привести себя в достойный дамы и владелицы имущества в нашем округе вид! Чтобы когда она зайвится в город, то выглядела пристойно!

Эрмине уже стало очень интересно, как это дама может непристойно выглядеть? Она ловила обрывки слухов о том, что на окраине города есть некий дом, в котором живут женщины, которые как раз выглядят непристойно, туда ходил матушкин брат, дядюшка Антуан, а отец потом ему за это выговаривал – что такие вещи следует делать тихо, чтобы не привлекать к себе внимания. Интересно, эта госпожа Маргарита – она так же выглядит и тоже принимает по вечерам мужчин?

– Ступайте-ка отсюда, – произнесла бабушка. – Софи, иди умойся. Жермон, ступай займись чем-нибудь, что тебе подобает больше, нежели ссориться с семейством. Эрмина, как соберёшься – зайди ко мне.

– Да, бабушка, – сказала Эрмина и отправилась собираться.

Вместе с Бабеттой они сложили в сундук смены белья, два сменных платья и всё, что для них нужно. Эрмина взяла шляпу, плащ, зонтик от солнца и перчатки, велела отнести всё это в отцовский экипаж. И пошла к бабушке.

– Сядь и послушай, дитя, – бабушка кивнула на скамеечку возле своих ног, на которой Эрмина всегда сидела, когда читала ей книгу или газету. – Дом господина Гийома – не край света и не обиталище дикарей. Если ты будешь вести себя достойно – он станет тебе помощником и союзником. Ступай и не бойся. Плохую женщину дом бы в хозяйки не принял, это точно. И ты увидишь то, чего никто в нашем городе не видел уже полторы сотни лет. Твоего отца пустили на порог, и то он в изумлении, а ты попадешь внутрь. Радуйся, это невероятно редкий случай, я бы и сама не отказалась там побывать.

– Да, бабушка, – кивнула Эрмина.

А у самой улыбка так и рвалась с губ – потому что она не боялась совершенно, но ей было очень-очень любопытно. Эжени не хочет – значит, пусть остаётся дома. А она поедет навстречу приключениям.

Поцеловала бабушку, попрощалась с младшими, обещала потом всё-всё им рассказать, поклонилась родителям, кликнула Бабетту и отправилась в ожидающий у двери экипаж.

12. Фарфоровые куклы

Барышня Руа, стоявшая в прихожей у входных дверей, оказалась совсем молоденькой девочкой – тоненькой, рыженькой, сероглазой. Держалась бодро, смотрела прямо, с любопытством. За её спиной маячила ещё одна девица – выше на голову и с виду постарше. Смотрела по сторонам с заметным страхом и крестилась.

А одеты-то как, батюшки! Особенно барышня. Юбка широченная, не иначе на кринолине, зонтик кружевной, перчатки лайковые.

Тьфу ты, подумала Рита. Это что, и ей придётся на себе такой вот огород городить? И ходить в нём по улицам? Она оглядела себя – платье до колен, обычное такое платье, без рукавов, конечно, но в этом тоже ничего особенного, ноги не голые, а в колготках, и нечего тут, и даже какие-никакие местные тапочки на ногах – у туфли-то каблук сломался.

– Здравствуйте, – кивнула Рита обеим девочкам. – Я Рита. А вас как зовут и с чем пожаловали?

– Меня зовут Эрмина Руа, – барышня прямо реверанс изобразила. – А это Бабетта, – кивнула она на служанку.

Юбка служанки была совсем не такая широкая, как у барышни, и никакого там внутри кринолина, и длина до щиколотки, и башмаки виднеются – из хорошей толстой кожи, крепкие. Белый передничек – приколот к лифу и завязан сзади, и белый чепчик. А у барышни – коса вокруг головы, и какие-то мелкие цветочки в причёске.

– И что же вы тут собираетесь делать, Эрмина Руа и Бабетта? – прищурилась Рита.

– Батюшка велел помогать вам, – сообщила девица.

– Помощнички, значит, – кивнула Рита. – И что же вы делать-то умеете, помощнички?

– Да всё, что надо, простите, барышня Эрмина, – влезла служанка. – Говорят, у вас тут, ну, запустение.

– В самом деле? – усмехнулась Рита. – И кто же говорит?

– Ну... все, – потупилась служанка.

– И как долго вы собираетесь... помогать?

– Пока батюшка не велит домой возвращаться, – сообщила госпожа.

И такой у неё был вид, что Рита не удержалась и сказала:

– А я уже прямо сейчас скажу – собирайтесь, милые мои, и возвращайтесь. Сегодня у меня нет ни малейшей возможности вас занимать, своих дел хватает.

Достаточно того, что одного студента принесло, его уже нужно как-то к делу пристраивать. Но тот – парень, и может хотя бы таскать и переставлять. А эти куклы фарфоровые?

Но куклы переглянулись, и барышня решительно сказала:

– Госпожа Маргарита, не прогоняйте нас, пожалуйста. Я... я мечтала побывать в этом доме с тех самых пор, как впервые услышала о нём, а бабушка рассказала мне эту историю, когда я была ещё совсем маленькой. Я... я не причиню вреда ни дому, ни вам. Да, меня отправил мой батюшка, но я и сама была рада, потому что... это же мечта! В нашем городке никогда не бывает ничего такого, о чём можно мечтать. Только в книгах, и в легендах. И вот в этом доме, – вздохнула девочка.

– Нет-нет-нет, я даже и слышать ни о чём таком не желаю, – категорично сказала Рита. – Я готова позвать в гости всё здешнее население, только чтоб посмотрели – и отстали. Но – когда в доме завершится ремонт! Неужели вас не учили, что в гости не ходят незваными?

– Учили, но...

– Никаких «но». Каким образом вы сюда попали?

– В батюшкином экипаже...

– Вот загружайтесь в него обратно и отправляйтесь домой. К батюшке.

Рита прошла мимо девочек, распахнула двери наружу... и увидела, что на крыльце стоит большой деревянный сундук. Никакого экипажа уже и в помине не было. Ну вот тебе здравствуйте!

– Валентин! – позвала Рита строгим голосом, полагая, что он услышит и появится.

Он и появился – мгновенно.

– Да, госпожа Маргарита?

– Ты что-то говорил о каких-то конях, при помощи которых можно попадать в город.

– И? – он непонимающе на неё смотрел.

Или только делал вид, что ничего не понимает.

– И отправляем барышень домой.

– А вдруг они и вправду пригодятся? – спросил кот заговорщическим шёпотом.

– Для чего же, интересно бы мне знать? – нахмурилась Рита.

– Помогать вам по хозяйству. И я вправду ничего не смыслю в современной моде, – Валентин вздохнул и потупился. – А вам непременно нужно одеться по-здешнему, чтобы в городе к вам отнеслись серьёзно. Кто лучше расскажет про моду, чем юная девица, знающая в этой моде толк?

– Портниха, – пожала плечами Рита.

– О портнихах тоже можно расспросить юную госпожу Руа. Уж наверное, она знает, кто шил ей это милое платье и у кого одеваются её почтенная матушка, бабушка и все матушкины приятельницы.

Конечно, здоровое зерно в этих рассуждениях было. Но...

– Она будет здесь везде ходить и всё вынюхивать!

– А вы попробуйте и увидите. Что она будет делать и как это будет выглядеть, – усмехнулся кот.

– Ты о чём? – не поняла Рита.

– О том, что вам, дорогая госпожа Маргарита, здесь кое-кто доверяет. И было бы неплохо, если бы и вы тоже проявили немного доверия. Пожалуйста!

Если бы он смотрел своим обычным умильным взглядом, Рита бы не повелась. Но он просто вздохнул, а ещё она подумала, что отправлять двух молодых девчонок через лес неизвестно с кем и куда – совсем не дело. Ладно, пусть переночуют, а там видно будет.

Она взяла Валентина за руку и потянула обратно в дом. Обе девочки так и стояли у входа – не могли войти, как вдруг поняла Рита. Дом пустил их на порог, и не более. Что, это и значит – больше доверять?

– Ладно, до утра останетесь, а там видно будет, – махнула она рукой.

Девочки радостно выдохнули, отскочили от двери и принялись разминать ноги – кажется, порядком затёкшие. Рита глянула – они стояли на чёрной плитке у входа и, кажется, не могли покинуть её без разрешения. Вот так!

– Валик, раз уж замолвил слово за гостей – тащи наверх сундук!

– Непременно, но один не справлюсь, – покачал головой кот. – Эй, Филипп! Иди-ка сюда!

Филипп птицей слетел по лестнице, учтиво поклонился обоим барышням, и они с Валентином подхватили сундук за ручки с боков и поволокли наверх.

– Пойдёмте, – кивнула обоим барышням Рита.

На третьем этаже она заглянула в пару комнат, прежде чем подобрала то, что нужно. Спальня с двумя кроватями и прилегающей ванной комнатой.

– Вот, это вам. Не обессудьте – роскоши не имею. Сама пока живу в таких вот условиях, больше не успела, – ехидно сказала Рита. – А если кто успел бы больше за два дня – ну, покажите мне его, погляжу.

Вот вам, смотрите, куда вы так стремились. В комнате царил ожидаемый хаос, с потолка свисала паутина, мебель угрожала рассыпаться.

– Домик-домик, подправь здесь кровати, пожалуйста. И чтоб умыться было можно, хорошо? – попросила Рита.

Кровати престали выглядеть разваливающимися, постельное бельё посвежело. Но всё равно самым приличным предметом в комнате выглядел сундук Эрмины Руа.

– Благодарю вас, госпожа Маргарита, – поклонилась девочка. – Мы с Бабеттой сейчас посмотрим, что можно здесь сделать. Я три года проучилась в монастырском пансионе, там мы всё делали сами. Я умею, – улыбнулась она.

Надо же, как бывает! Ну что ж, значит, оставим их пока здесь. Рита коротко кивнула и вышла, закрыв за собой дверь. Нужно было проверить ещё одно предположение.

Вообще было бы неплохо заняться собственной спальней – потому что спать третью ночь в свинарнике нехорошо. Как раз до ужина и провозимся, подумала она. Попросила Филиппа натаскать воды – во дворе был колодец, потом они с Валиком вытрясали там же, во дворе, портьеры с окон, а Рита выметала паутину, дохлых мух и что там ещё было. Флаконы с туалетного столика отмокали в тазике для умывания, а потом Рита догадалась пойти вниз, на первый этаж, и поискать там утварь для уборки. Нашла таз, ведро, и старых тряпок тоже нашла. И очень обрадовалась.

В итоге к ужину окно было абсолютно чистым и прозрачным, зеркало отражало то, что положено, а не какую-то муть, флаконы из заморского стекла создавали интерьер, как и две случившиеся у Риты с собой куклы, которых она разместила на столике у зеркала. Филипп помог заново прибить карниз, и шторы, волшебным образом очистившиеся, были повешены на место. А пол Рита вымыла собственноручно, и ей показалось, что дом был за то благодарен.

Можно было ужинать.

– Домик-домик, ужин на пять персон, пожалуйста. Картошечку жареную, сосиски, салат из свежих овощей, хорошо? И что-нибудь сладкое к чаю.

Всё заказанное ждало на столе, но девочки не появились. Вместо них раздался стук изнутри отведённой им комнаты.

– Госпожа Маргарита, выпустите нас, пожалуйста! – раздался откуда-то оттуда тонкий голосок Эрмины Руа.

О как, подумала Рита. Они не могут сами отворить дверь? Что и требовалось доказать.

Она пошла и проверила – дверь была на месте и отлично открывалась.

– Спасибо, госпожа Маргарита, – прочувствованно произнесла Эрмина. – Мы сами никак не могли выбраться, потому что не видели дверь, совсем! Только окно!

– Ничего, бывает, – Рита придирчиво оглядела комнату.

А ведь чисто, в самом деле чисто! И Эрмина переделалась из своего светлого платья-тортика во что-то, похожее на наряд своей служанки – без кринолина, с короткими рукавчиками, без рюшечек-кружавчиков и с фартуком. Да, убираться так удобнее. Конечно, две девочки смогли меньше, чем Рита с двумя мужиками, но... намерение-то похвальное!

– Я смотрю, вы неплохо поработали, так пойдёмте ужинать, – сказала она.

Обе девочки поклонились и последовали за ней.

В комнате, назначенной столовой, уже ждали и Валентин, и Филипп. Оба подскочили и поклонились.

– Валентина и Филиппа вы уже видели, они живут здесь, – и никаких деталей.

Впрочем, от Риты не укрылся заинтересованный взгляд, который бросил на Эрмину Филипп.

– И что, они тоже не видят дверей? – спросила девочка.

Филипп рассмеялся.

– Я видел только окна до тех пор, пока не поклялся, что не причиню госпоже Маргарите никакого вреда, а она приняла мою клятву. До того сам не видел ничего, и переходить из комнаты в комнату мог только с госпожой Маргаритой или с господином Валентином.

О как! Всё лучше и лучше.

А девочки переглянулись и, поуже, задумались. Вот и подумайте, голубушки, то ли это, что вам вообще было надо.

И Рита пригласила всех к столу.

13. Что потопаешь, то и полопаешь

После ужина Рита нашла в себе сил только на то, чтобы умыться и лечь спать. И даже не лечь – упасть, просто упасть. Потому что выложились – как за неплохой такой день на работе плюс вечером ещё дома. А теперь у неё тут непонятный дом, и он же непонятная работа... Мысль никак не дооформилась, потому что Рита уснула. Она даже не услышала, как Валентин в обличье кота пришёл к ней в ноги.

Зато утром она проснулась бодрой и отдохнувшей. Дома такого уже давно не случилось – потому что либо будильник, либо всё равно нужно вставать и делать что-то, на что не хватило времени и сил в течение рабочей недели. А здесь даже и сон выходил каким-то другим – крепким, почти что без сновидений. И он отлично восстанавливал силы.

В доме было тихо. Часов не было, точнее, они были, где-то, и Рита отметила себе – найти, проверить, работают ли, и приставить к делу. Наверное, здесь все возможные часы – механические, и значит, их достаточно завести и запустить. И может быть, сделать какую-нибудь профилактику, почистить там, смазать. Можно попробовать сказать – «домик-домик», но Рита опасалась говорить это слишком часто. А ну как поломается? А ну как есть запас подобных обращений, и она уже использовала какую-то часть? Да и вообще, уже пора задать некий вопрос Валентину – о том, как всё это вообще работает. Слова о магии теперь уже невозможно было не брать в расчёт, но и – объяснять магией решительно всё Рита была не готова, слишком уж сильно в ней было рациональное.

Рациональное в ней вообще никак не хотело согласиться с тем, что она в каком-то там другом мире и не сможет вернуться домой. Потому что Сенька – бес с ним, а дети? Что сказали Надюшке – уж наверное, отец ей позвонил и сообщил, что она потерялась? Как там Ванька – кто его кормит, поит, стирает футболки и штаны, гладит рубашки на работу и вообще? Будет же ходить неухоженным, Рита его знала в этом плане очень хорошо. А утром кто его поднимает? Будильника он отродясь не слышал, так крепко всегда спал. И не дай бог будет опаздывать, ещё и с работы прогонят, если совсем уж зарвётся. Ох, лучше не думать, совсем не думать.

И ещё свалившиеся на голову здешние дети! Один скрывается не пойми от кого, и Рита вдруг осознала, что ведь ничегошеньки не знает ни о том, как тут всё устроено в плане законов и правил – кто правит, что от жителей хочет и всё такое. И за что, или против чего, борются эти здешние революционеры? Валентин производил впечатление человека, которому всё равно – ну да человек ли он вообще? Человек бы никак не прикинулся котом и не улёгся бы в ногах – кстати, Рита немного пошевелила ногой, там и лежит, тёплый и мохнатый. Его можно спросить, но она подозревала, что нужного ответа не получит.

Девочка, дочка мэра, пока выглядела непонятной. История о мечте, конечно, звучала привлекательно, но – неужели и впрямь нет другой мечты, кроме старого дома? О чём сама Рита мечтала в таком возрасте? О друзьях, о любви и приключениях. О том, о чём читала в книгах. А что читают здешние девочки? Тоже нужно расспросить – если не сбежит, конечно.

Поспавши, Рита уже не горела таким же желанием прогнать всех незваных гостей, как вчера. Вчера её здорово взбесили с утра мэр и компания, и этот таинственный граф, которому тоже для чего-то сдался дом. Хорошо бы выяснить – для чего? И вот ещё интересно, если дом зафиксировал их пари, будет ли он пускать графа внутрь и позволять ему делать, что тому заблагорассудится? Граф-то никаких магических договоров не подписывал!

Вообще все эти невероятные штуки, которые Валентин объяснял магией, были по-прежнему непонятны. Рита была готова верить в какую угодно технологию и даже в инопланетян, но какая ж там может быть магия, скажите? Магия – это выдумка. Просто, ну... ей снова не всё сказали. Потому что если дом можно привести в порядок одним лишь словом, то почему

никто этого до сих пор не сделал? Почему Валя вчера ни слова ей не сказал, когда она своими руками мыла окна, зеркала и полы? В чём опять подвох?

В общем, нужно вставать, умываться, допрашивать кота и работать дальше.

Может быть, она здесь всё сделает и потом уйдёт обратно домой? Там, наверное, Сенька уже делся куда-нибудь, а одного Ваню она уж прокормит. Или всё же он сам научится, пока её нет?

Рита спихнула кота с ног, проигнорировала его попытки забраться обратно и отдёргнула занавески кровати. И обомлела.

Первым делом ей бросились в глаза обои – они стали новыми. Вот просто новыми, да. Цвет ткани, ещё вчера выцветший, оказался приятным глазу голубым, а цветочки и птички – яркими.

Она продолжала оглядываться и заметила новую раму окна, сверкающие в лучах солнца медные ручки, посветлевший паркет пола, блестящий свежим лаком, и розу в одном из флаконов на туалетном столике. С ума сойти можно.

Рита встала с постели и как была, босиком, подошла сначала к окну – трогать раму, и ручку рамы, попробовала открыть – да, открывается, а за окном – уже знакомый вид на лес и горы. Потом осмотрела зеркало, и розу – настоящая роза, алая, очень красивая. И ткань на стенах, и ящички туалетного столика с расписными вставками. Эх, красота!

Проснувшийся кот вылизывался на постели.

– С добрым утром, Валик. С добрым утром, домик, – Рита погладила стену. – Кисонька-мурysonька, скажи-ка мне – а чего я тут вчера спину гнула, да не одна, а ещё и с вами вместе, если оно вот так теперь? Может, так и сразу можно было?

– Ну что же вы, дорогая госпожа Маргарита, – укоризненно проговорил кот, даже не пытаясь принять человеческий облик. – Магия магией, а сила – силой. Да, в этих стенах заключено большое количество магической силы, тут и бытовые заклинания, и защитные, и ещё кое-какие другие. Но вы должны понимать, что из ничто не возьмётся нечто, никак. Именно вы пробуждаете и запускаете эти силы – вашим трудом, вашим равнодушием, вашим искренним интересом. И они – пробуждаются и запускаются. И – с добрым утром, – он соскочил с постели, подбежал к Рите и потёрся о её ногу мягкой шерсткой.

В принципе, это было понятно. Видимо, действие равно вложениям, так? Сколько вложишь сама, столько и получишь? Справедливо.

Но оставался ещё один вопрос, он беспокоил. Рита сходила умыться, оделась – платье, к слову, за ночь тоже посвежело, и это хорошо, но Валя прав – нужно заняться подбором местной одежды, чтобы в городе, когда она до него доберётся, на неё не смотрели, как на местную сумасшедшую. Рита осмотрела туфли – ого, каблук-то за ночь на место прирос! – но надела вчерашние тапки. В них удобнее шуршать по хозяйству. И отправилась вниз, в прихожую.

Что же, там была иллюстрация на тему «Не бери того, чего сам не клал». То есть – сначала сама сделай ну хоть что-нибудь, а потом уже тебе помогут. Люстра вновь была в паутине, краска стен покрылась трещинами, а пол – многолетним культурным слоем. А вчера что было? Иллюзия? Эх, значит, начинать сегодня будем здесь, все, сколько нас есть. Потому что эту прихожую уже видели в красивом виде, и показывать вот такое теперь уже никак нельзя.

– Домик-домик, покорми нас завтраком, пожалуйста, – говорила Рита, поднимаясь наверх.

Наверху она постучалась в комнату Эрмины Руа и услышала оттуда, что девы пробудились, поднялись и готовы выходить наружу. Открыла дверь, пожелала им доброго утра и получила в ответ радостное приветствие.

– Госпожа Маргарита, у вас так хорошо спать, – сообщила Эрмина. – Тихо и спокойно. Бабетте даже жених приснился, – хихикнула она.

– А вам, барышня Эрмина, что ли нет? – усомнилась Бабетта. – На новом месте всегда снятся, так положено.

– Не помню, – отмахнулась Эрмина, но потупила взгляд.

В столовой дам уже поджидали кавалеры – они здоровались, кланялись и отодвигали стулья. Стол был накрыт, можно было приступить.

– Госпожа Маргарита, – сказала Эрмина, завершив завтрак. – Мы с Бабеттой подумали и решили – мы готовы дать клятву, что не причиним вреда ни вам, ни этому дому.

– И что же подтолкнуло вас к этому? – поинтересовалась Рита.

– Чудесам нужно помогать случаться, – пожала плечами девушка. – Так всегда говорит моя бабушка. И если я могу помочь – то я готова это сделать.

– Хорошо, – Рита растерялась. – Делай.

– Я, Эрмина Руа, клянусь не причинять вреда госпоже Маргарите и дому господина Гийома. Я сделаю всё, что от меня потребуется, и не пожалею о содеянном ни мгновения, – серьёзно произнесла Эрмина.

– Я, Бабетта Сен-Жан, клянусь не причинять вреда госпоже Маргарите и дому господина Гийома, – повторила служанка. – И сделаю всё, что от меня потребуется.

– Принимается, – кивнула Рита. – Помогу чем смогу и защищу как смогу.

И снова где-то в недрах дома часы.

– Посмотрите, барышня Эрмина, дверь-то – вот она, – зашептала Бабетта. – И ещё! И вон там!

– Что же, вы сказали своё слово, и дом сказал своё. А теперь пойдёмте вниз – нас там ждут великие дела, – сказала Рита и поднялась из-за стола.

14. Ленты, иголки, булавки, тесьма

Дети очень изумились, когда увидели, во что за ночь превратилась ещё только вчера сверкающая чистотой прихожая.

– Это как же, госпожа Маргарита? – тихонько спросила Эрмина.

– Ничего себе чудеса, – качала головой Бабетта.

Филипп не мог поверить, ходил и дотрагивался до облупившейся краски.

А Валентин, паршивец такой, только знай разводил руками.

– А это, дорогие мои, истинное лицо этого жилища. Вчера же нам всем просто картинку показывали, – вздохнула Рита. – Лапшу на уши вешали, очень качественно.

– Иллюзию, госпожа Маргарита, иллюзию. Очень сильную и хорошую, разглядеть за которой истину смогли бы только самые мощные маги, а таковых среди нас и вчера не было, и сегодня нет.

– А что, бывают маги мощные и нет? – недоверчиво пробормотала Рита.

– Конечно, – кивнул Валентин. – Напитать дом силой, да так, чтоб держалась долго, мало кто сможет. Господин Гийом был очень мощным магом, и то заклинания без подпитки ветшают. Вы вчера поделились силой – и там, где поделились, сегодня стало лучше. И если продолжите, то так и будет.

– Госпожа Маргарита, а вы маг? – Эрмина смотрела с восхищением.

– Да какой я маг, я нормальный человек, – отмахнулась Рита. – Я кое-что знаю и умею, да и всё, только руками и головой, никакой магии. И как я поняла, магии нам не отвалят, пока мы ручками всё это не пройдем. Что сможем – сделаем, а что не сможем – попросим домик помочь, – Рита ласково коснулась облупившейся стены. – Так, господин кот, извольте сказать: стремянка есть?

– Что есть? – не понял Валентин.

– Лестница такая, с которой мы до люстры дотянемся, – пояснила Рита.

– Не надо до неё тянуться, она опускается, смотрите, – он поманил Риту под лестницу, ведущую наверх, и показал вход в каморку, где за хозную железную петлю был зацеплен такой же хозный крюк.

К крюку из стены шла верёвка – нет, какой-то трос из множества жил и не вполне понятного Рите материала. Хвост верёвки был длинен и спускался на пол. Так, очевидно, это для того, чтобы можно было опустить люстру пониже.

Опускали втроем – Филипп, кот и Рита. Сначала на неё зашикали – мол, куда вы, госпожа, сами справимся, – но оказалось, что её веса им очень недостаёт. А когда она присоединилась – аккуратно опустили. Оказалось, что теперь она висела как раз так, чтобы можно было перемотать все подвески, не поднимаясь особо, только на небольшую скамеечку. Рита оглядела висящую люстру, попробовала скамеечку на прочность, отправила Филиппа за водой и кивнула на люстру девочкам:

– Ваша зона ответственности, барышни. Подвески помыть, металлический каркас тоже помыть, подсвечники или что там у нас – почистить.

– Это не подсвечники. То есть, свечи туда тоже можно, но их не вставляли никогда, – тихо сказала Эрмина.

– Да, в этой люстре зажигали магические огни, – подтвердил Филипп. – Вот такие, – он пошевелил незаметно пальцами, и к потолку поднялся небольшой светящийся шарик. – Но здесь таких нужно около сотни, это большая люстра.

Эрмина рядом восхищённо вздохнула, глядя на сосредоточенного мальчика.

– Подправить дом – и будет само загораться, – проворчал Валентин. – Во всяком случае, раньше было так.

– Скажи-ка, друг мой полосатый, а какое-нибудь моющее средство здесь бывает? Кроме воды, мыла и золы? Кстати, ни одного камина с золой я пока не вижу. Может, в печке на кухне есть?

– Я даже и понять не могу, о чём вы, дорогая госпожа Маргарита, – пожал Валентин плечами. – Моят либо всем, чем вы сказали, как мыли вчера, или – если вдруг кто владеет бытовой магией, то можно очистить магической силой.

– Так? – Эрмина нахмурилась, взялась за одну из подвесок, подержалась немного, потёрла мутную поверхность...

И подвеска заискрилась в очень удачно заглянувшем в окно солнечном луче.

– Барышня Эрмина, вам же батюшка не велел так делать, – вздохнула Бабетта.

– Но батюшки здесь нет, – улыбнулась Эрмина, а в глазах у неё чёртики плясали. – Он сам велел мне отправляться сюда и делать всё то, что скажет госпожа Маргарита, а госпожа Маргарита просит помочь ей. И я буду помогать.

– Ты, что ль, тоже маг, как Филипп? – изумлённо выдохнула Рита.

– Да какой я маг, так, немного умею, что бабушка показала, – отмахнулась девочка.

– Старшая госпожа Руа – маг? Вот так новости! – Валентин тоже удивился. – И почему же она никак не проявляет свой дар?

– Считает излишним, – пожал плечами Эрмина.

– Скажи-ка, Валечка, а чистить магией, а не тряпкой – правилам не противоречит? – нахмурилась Рита.

– Нет, госпожа Маргарита, не противоречит. У вас есть силы – и вы их вкладываете. И это принимается с благодарностью, – поклонился кот.

– Вот и славно, – кивнула Рита. – Что ж, молодёжь, по коням!

Молодёжь воодушевилась, что можно магию, и через какой-нибудь час люстра сверкала, стёкла в окнах тоже, облупившуюся краску соскребли, а пол и стены помыли. Не как вчера, новое и красивое, но – и не такой кошмар, как был с утра. И ещё Филипп как-то умудрился сдуть с потолка и из углов всю паутину.

Правда, когда к обеду работа была в целом завершена, он тихонько спросил:

– Может я, того, пушку почищу? Или что-нибудь посторожу?

– От кого ты нас собираешься сторожить? – не поняла Рита.

– Ну... мало ли, – а сам переминается с ноги на ногу и поглядывает на девочек.

Девочки же что-то там гадали по бликам на подвесках люстры – «да» или «нет». Вышло «да».

– Будет надо сторожить – посторожишь. А пока пойдём дальше здешние богатства разбирать, – махнула рукой Рита. – А сейчас – вообще обедать!

На обед домик проявил инициативу и предложил фасолевый суп, жаркое и яблочный сок. Со свежим хлебом и зеленью. Съели с урчанием, и молодые, и всякие. А после обеда Рита попросила мужчин натаскать воды на третий этаж, а потом разобрать мебельный завал ещё в одной гостиной, и пока они это делали, отправилась вместе с девочками штурмовать следующее помещение.

Это оказалась гардеробная, битком набитая всякой старой одеждой.

– Какое старьё! – Бабетта громко чихнула от пыли.

О да, здесь висели в половине комнаты дамские наряды, а в половине – мужские. Века так восемнадцатого по меркам Риты, примерно середины. Живьём она такие платья видела от силы пару раз где-нибудь в столичных музеях, а самой ей выпадал разве что конец девятнадцатого века. И поэтому она вместе с девочками принялась упоённо перебирать доставшееся богатство.

Правда, сначала пришлось раскрыть большое окно – потому что от пыли реально было не продохнуть. Эрмина понемногу пыталась колдовать – со словами, что вообще почистить одежду от пыли несложно, но тут её столько много, что уже выходит сложно.

– Так, девы. Предлагаю следующее: мы сейчас это пересматриваем, убираем самую большую грязь и консервируем до лучших времён. А когда эти времена настанут – то вытаскиваем в погожий день во двор и там выколачиваем пыль, выводим моль и что тут ещё водится, – сказала Рита, разогнувшись от очередного ящика, в котором была аккуратно сложена обувь.

Надо отдать должное хозяевам этого великолепия – одежда хранилась неплохо. Отдельно обувь, отдельно бельё – сорочки там всякие, нижние юбки и подштанники. Чулки – однотонные и с вышивкой. Кружевные манишки, манжеты, воротники. Невероятной прелести вышитые носовые платки с кружевом – Рита расчувствовалась и выдала по платку обеим девочкам, и себе взяла, благо подходящих меток-букв хватало. И «М», и «Э», и «Б».

А платья... Эх, тут можно одеть целый костюмированный маскарад, или вот ещё исторический бал, таким увлекалась приятельница Марина. Красота, но, кажется, неприменимая.

– Девы, я верно понимаю, что сейчас такую одежду не носят?

– Верно, не носят, – замотала головой Бабетта. – У старой госпожи Амелии в гостиной висит портрет её бабушки в юности, и там точь-в-точь такое платье, только цвет другой, – она показала на нечто из персикового атласа, отделанное плетёным кружевом очень тонкой работы и лентами. – И ещё у неё причёска высокая – как водокачка, и в ней прямо тарелка с фруктами стоит! И декольте большое-большое, и ленточка на шее – чёрная, бархатная. И бантов на лифе – много-много! Нет, может быть, и красиво, конечно, здесь везде одной только дорогой ткани на очень много денег, и кружева, и шёлковых лент, да только никто же так не ходит!

– Ну, так как я хожу, здесь тоже никто не ходит, – усмехнулась Рита.

– А как вы – ещё хуже, правда, – закивала Бабетта, потом поняла, что сказала глупость, и пискнула: – Простите, пожалуйста, госпожа Маргарита. Я... я не хотела вас обидеть.

– Надеюсь, – усмехнулась Рита. – А из этого можно сшить одно платье по нынешней моде?

– Ой, – озадачилась Эрмина.

– Да вряд ли, – замотала головой Бабетта. – Сейчас только на одну юбку нужно ткани в три раза поболее!

– И где берут эту ткань на юбку?

– В лавке суконщика господина Адемара, а ему возят много откуда, и из Паризии, и из Льена, и ещё откуда-то, он говорил, но я позабыла.

– А вот здесь вполне подходящее для сорочек и нижних юбок полотно, – Эрмина открыла ещё один сундук, и там вправду лежали свёртки ткани – лён и батист. – Кружево, кстати, можно и спороть откуда-нибудь, дело нехитрое. Но сначала бы это всё проветрить, почистить и, может быть, даже постирать.

Звучало угрожающе, но где ж наша не пропадала?

– И кто же шьёт платья в вашем славном городе?

– Самая лучшая портниха – госпожа Аделин Мюссе, у неё всегда заказывает свои новые платья матушка, – сообщила Эрмина. – И ещё у неё целых шесть подручных девушек, которые сшивают всё то, что раскроит госпожа Мюссе. Есть ещё госпожа Фонтен, она попроще, но и берёт поменьше.

– Может, мне, того, попроще и поменьше? – тихо спросила Рита.

Денег-то нет!

– Вам нужно самое лучшее, – отрезала Эрмина. – Мы что-нибудь придумаем!

– Да что тут придумаешь-то, – вздохнула Рита. – И вообще – время позднее, пойдёмте-ка ужинать, а то скоро уже совсем стемнеет.

За ужином Рита поинтересовалась у кота:

– Скажи-ка, мил друг Валечка, а что у нас с деньгами? Если мне ехать в город, то нужно одеться. Если одеться – то нужна портниха, а ей нужно заплатить. И что делать?

– Какую портниху вы выбрали? – вкрадчиво спросил кот.

– Да мне без разницы пока, – пожала плечами Рита. – Вообще нужно пробовать обеих, но придётся с кого-то начинать. Наверное, с той, кто возьмёт поменьше. С госпожи как её там? Фонтен.

– Тогда я завтра привезу сюда госпожу Фонтен, и вы решите – что, как и за сколько. Вдруг... она захочет с вас совсем немного? – сощурился Валентин совсем по-кошачьи.

– Не верится что-то, – вздохнула Рита.

– Значит, разберёмся. Только завтра, хорошо?

Все согласились, что хорошо – потому что очень устали и хотели спать. Пожелали друг другу доброй ночи и разошлись.

15. Удивительная гостья

Наутро Рита, проснувшись, не обнаружила в ногах кота. Куда делся?

Ревизия комнат показала, что за ночь все достигнутые вчера результаты сохранились, более того – прихожая тоже похорошела и посвежела. Люстра сияла, облупившуюся краску сменила новая, потолок радовал свежей побелкой. Уф, ну, здесь прорвались, молодцы. Можно пойти наверх к себе, умыться и одеться.

Девочки за завтраком рассказали, что их комната за ночь тоже значительно улучшилась. Что ж, такими темпами не пройдёт и полгода, как весь домик похорошеет и распушится, прямо как кот.

К слову, о Валентине никто не знал, с утра его не видели ни Филипп, ни девочки.

Значит – за работу. Сегодня отправились в комнату Филиппа – как-то она выскользнула у Риты из поля зрения, вообще ещё вчера нужно было туда наведаться. Сам Филипп заикнулся было о том, что нашёл в первом этаже оружейную комнату, и её бы тоже разобрать, но Рита строго глянула на него:

– А кровать твою кто будет двигать, чтоб всю пыль из-под неё выгрести?

– А нужно, да? – изумился Филипп.

Ох ты ж, котики-животики, как ты раньше-то жил, мил друг, пока в какую-то там революцию не подался? У родителей за пазухой? И с прислугой ещё, наверное?

– Нужно, – коротко кивнула Рита. – Потому что без пыли не только чище, но ещё и здоровее. И вообще, порядок в доме влечёт за собой порядок в жизни.

– Бабушка так же говорит, – радостно откликнулась Эрмина.

– А она, я думаю, знает толк в жизни и во всём, что в той жизни встречается, – удовлетворённо кивнула Рита. – Филя, а у тебя есть бабушка? То есть, я понимаю, что вообще была, и даже две, но – жива или уже нет?

– Наверное, уже нет, – пожал плечами мальчик. – Я сирота и не знаю своих родителей.

Вот так, Ритка. Получи, фашист, гранату.

– И кто тебя вырастил? Добрые люди?

– Меня подбросили в приют, и младенчество я провёл у монахинь. А когда оказалось, что я маг, то меня быстро отправили в магическую школу.

– Магическую? – не поверила Рита. – А что изучают в такой школе?

– Магию, – ответил он с таким видом, будто это само собой разумеется, хотя, конечно, так и есть.

– Ну так расскажи – как изучают магию. Я-то, понимаешь, ничего о магии не знаю, я не маг, и у меня ни в родне, ни среди знакомых магов нет.

– Как-как, всё зависит от того, какой ты маг.

– А маги ещё и разными бывают?

– Конечно. Вот госпожа Эрмина, например, владеет бытовой магией, – кивнул мальчик на девочку, девочка фыркнула. – Ещё бывают маги-стихийники, они владеют силой либо какой-то одной стихии, либо даже несколькими. Бывают боевые маги, бывают менталисты, бывают артефакторы, бывают целители. Бывают некроманты, но они редки, и маги жизни, они встречаются ещё реже.

– Сурово, – кивнула Рита. – А ты – какой маг?

– Стихийный, очень неплохой. И боевой, – с гордостью сказал мальчик.

О да. Боевого мага заставили мебель двигать. И воду носить. Наверное, позор на всю улицу. Ну да мы никому не скажем.

– Я думаю, твои умения и способности ещё пригодятся. Может быть, и ужегодились бы, но я пока ещё очень мало знаю о магии, – вздохнула Рита.

– Не беспокойтесь, госпожа Маргарита. Мне очень ценно это убежище, – Филипп коротко поклонился.

Эрмина, выметавшая паутину из-за туалетного столика, несколько раз оборачивалась, смотрела на Филиппа, потом вновь возвращалась к венику. И наконец, решила.

– А в какой школе вы учились магии, господин Филипп? – спросила она.

– В очень хорошей, госпожа Эрмина, в Школе Света в Фаро.

– О, в Фаро! Это правда, что туда съезжаются великие маги со всего мира?

– Да, госпожа Эрмина, правда. Самые лучшие профессора читают там лекции, и не только магам, простецам тоже. Им бывает полезно узнать об устройстве мира не меньше, чем магам – в том числе и чтобы потом уважать и магов, и всё то, что они могут делать.

– А девушек там учат? – бойкая Бабетта стрельнула глазами из-под чепца.

– Учат, госпожа Бабетта, только тех, у кого есть магические способности. Даже самые небольшие. Потому что их необходимо развивать... или будет плохо.

– Кому? – насторожилась Бабетта.

– Всем, – пожал плечами Филипп. – И самому магу, и тем, кто рядом может оказаться. Сила без контроля – это может быть страшно, понимаете? Представьте ураган невероятной силы. Или землетрясение. Или извержение вулкана. Да просто проливной дождь, такой, что даже реки выйдут из берегов. Что с этим можно сделать? Ничего. Вот так и с магической силой без контроля – тоже ничего.

Девы притихли, Рита со вниманием слушала. Кот не очень-то стремился рассказывать о магии – что говорить о том, что само собой разумеется! А вот мальчик оказался более разговорчивым, и это замечательно.

– Ой, смотрите, госпожа Маргарита, кто-то приехал! – Бабетта, мывшая окно, только что совсем туда не высунулась.

О да, окно комнаты Филиппа выходило во двор. И по этому двору сейчас ехал чёрный лакированный экипаж, запряжённый четвёркой вороных коней. Правил экипажем неизвестный Рите кучер.

И каково же было её удивление, когда из кареты выскочил Валентин и подал кому-то руку. Изнутри появилась невысокая и щуплая женщина в платье с пышной широкой юбкой и отложным кружевным воротничком и в шляпке с лентами в тон отделке платья.

Следом за ней кучер и Валентин вытащили из кареты небольшой сундук и поставили на крыльцо.

Рита спустилась, следом за ней спешили дети. Гостя никуда не торопилась, она стояла на крыльце рядом с сундуком и с удовольствием разглядывала окрестности.

– Спасибо вам, дорогой Валентин, за саму возможность побывать здесь ещё раз, как бы оно дальше ни повернулось, – говорила дама коту в тот момент, когда Рита вышла наружу.

Вблизи стало видно, что за плечами у дамы много прожитых лет. Она выглядела изрядно старше Риты, кожа у неё была совсем тонкой и местами морщинистой, и ещё, наверное, все сосуды наружу, но – на руках дама носила кружевные перчатки, а лицо было полускрыто тенью от шляпы. Впрочем, голубые глаза задорно блестели. Как статуэтка – подумала Рита, такой милой и забавной показалась эта дама. Платье в прихотливой вышивке, рюшечках и бантиках, и вся эта отделка совсем не казалась неуместной. На шляпе – букет из искусственных цветов, и яркая синяя лента. Почему-то Рите подумалось, что и туфельки у дамы синие, привязанные к ногам атласными ленточками крест-накрест.

– Госпожа Маргарита, я с большим удовольствием представляю вам госпожу Анну Фонтен, – с поклоном сказал кот. – Она прослышала о вашей надобности и не отказала мне в просьбе прибыть сюда и помочь вам с подбором гардероба.

– Благодарю, Валентин, – Рита тоже поклонилась – как смогла. – Очень приятно, госпожа Фонтен. Наверное, вам не стоило ехать так далеко? Я бы через пару дней добралась к вам сама.

– Что вы, дорогая, никаких сложностей! – замахала руками старая дама. – Мне очень приятно, что Валентин обратился ко мне, а сейчас я вижу, что он был совершенно прав. Мы сделаем для вас самый лучший гардероб в кратчайшие сроки!

– Кто это – «мы»? – недоверчиво переспросила Рита.

– Мы – это Анна Фонтен, её руки, её иглы и её прочие инструменты, – сообщила дама. – А в городе вам лучше в таком виде не показываться, Валентин снова прав, а я-то не верила. Но и так уже достаточно того, что о вас болтают разное, дорогая, и в Верлен вы должны прибыть во всём возможном блеске!

Это что – опять сыр в мышеловке? А потом из-за угла выскочат какие-то непонятные условия и оговорки? Рита хмурилась и никак не могла решиться – приглашать даму внутрь или же просить Валентина вернуть её обратно.

– Ой, здравствуйте, госпожа Анна! – раздался из дома голос Эрмины, и сама она появилась на крыльце и сделала старой даме вежливый реверанс.

– Здравствуй, Эрмина, – разулыбалась дама. – Видела я вчера госпожу Амелию, её ваша Эжени вместе с Сюзетт вывозили гулять, так она сказала, что ты отправилась сюда. И правильно, детка, тебе здесь сейчас самое место, – закивала она. – Здравствуй, Бабетта, здравствуйте, молодой человек, – приветливо кивнула дама всем.

– Филипп – мой гость, – сообщила Рита, вздохнула и решилась. – Проходите, госпожа Фонтен. Я буду рада принимать вас в этом доме.

– Благодарю за приглашение, дорогая, – кивнула госпожа Фонтен и подняла правую руку. – Клянусь не причинять вреда госпоже Маргарите и дому господина Гийома, а только лишь пользу и благо. Я знаю правила, – улыбнулась она.

И в доме снова что-то тренькнуло – те самые часы, до которых Рита всё никак не могла добраться.

Дальше госпожу Анну вместе с её сундуком заселяли наверх и приглашали присоединиться к обеду. Рита позвала её в свою комнату – привести себя в порядок с дороги – и пообещала к ужину приготовить комнату для неё.

– Если можно, дорогая, вон ту, – госпожа Анна указала на дверь напротив комнат Риты. – Там большое окно и солнце светит в то окно почти целый день, мне будет удобно там шить.

– Вы уже бывали здесь? – осведомилась Рита.

Что-то очень уж много знает эта самая госпожа Фонтен!

– О, очень давно. С тех пор дом стоял в запустении, и это было плохо и неправильно. Но я уже вижу, как вы вдыхаете в него жизнь вместе с молодёжью, и это просто замечательно! Здесь должны жить люди, сюда должны приезжать гости, в обеденной зале должны быть накрытые столы, а в бальной – пары кружиться в вальсе!

Ох ты ж господи, ещё и вальс! Какой вальс, ну вы скажите!

За обедом (был накрыт на шестерых) госпожа Фонтен рассказывала городские новости. О том, как столичный журналист везде ходит, пристаёт ко всем с глупыми расспросами, и всё время что-то записывает в блокнот, чем очень раздражает всех достойных жителей Верлена. Приезжий граф на несколько дней уехал из города, ожидается к концу недели. Алоиз Марсо болтает посетителям таверны всякую чушь о том, что новая владелица дома господина Гийома взбалмошная женщина, которая неизвестно откуда свалилась и от которой неизвестно чего ждать. А поскольку он видел эту самую хозяйку своими глазами, то вечерами в таверне яблоку негде упасть, все приходят послушать. И вроде бы Жермон Руа тоже видел, но – тот молчит. И даже госпожа Софи Руа тоже молчит – не иначе, супруг пригрозил ей какими-то страшными карами, наверное – обещал лишить денег на новое платье и на то, чтобы выписать из столицы какие-то умопомрачительные кружева и ленты, госпожа Руа трещала о них без умолку две недели, а тут вдруг затихла.

И Рита даже не сразу поняла, что гостя уже сменила тему и обращается непосредственно к ней.

– Госпожа Маргарита, прежде чем вы отправитесь заниматься делами дальше, я бы хотела снять с вас мерки.

– Хорошо, – кивнула Рита, – сейчас снимем. Валентин, Филипп, мы отправляемся готовить комнату для госпожи Анны. Там нужно снять всё, что поддаётся снятию, и выколотить пыль во дворе, и отодвинуть от стен всё, что можно, чтобы мы потом извели пыль и паутину ещё и из-под мебели. Девочки, ступайте и проследите. И принимайтесь за уборку, как только станет можно.

Когда все отправились выполнять порученное, госпожа Анна раскрыла свой сундук, достала оттуда сантиметровую ленту – или же не сантиметровую, а с каким-то другими делениями, неважно – лист бумаги и что-то вроде карандаша.

– Госпожа Маргарита, встаньте, пожалуйста, спокойно, чтобы я могла вас измерить.

А дальше Рите показалось, что лента сама обвивает её там, где нужно, где-то натягивается, где-то – наоборот, добавляет свободного облегания. Госпожа Анна только командовала и подправляла – тут чуть-чуть ближе к центру, тут у Риты одно плечо чуть ниже другого, тут согнуть руку в локте, тут сделать глубокий вдох. И записывала цифры.

Построение выкройки для Риты и дома-то было китайской грамотой, она умела только сшить по уже готовой, ну – или на кукол, там всё проще. Так и здесь – смотрела, изумлялась. Восхищалась.

– Так, дорогая. Три сорочки, корсет, три пары панталон, юбка, два лифа, шляпка. Кринолин добудем в мастерской Аделин, у неё должны быть. Втридорога, конечно, зато к сроку. Завтра же отправим Валентина в город, он справится.

– Но послушайте, это же куча работы и, соответственно, куча денег! Сколько я буду вам за всё должна и где мы возьмём кучу ткани на всё эти названные вами предметы?

– Возьмём, – кивнула старая дама, – не беспокойтесь. И об оплате моих услуг не беспокойтесь, она будет вам по силам.

– Нет уж, давайте начистоту, – покачала головой Рита. – Что вы хотите за свою работу?

– Два предмета из этого дома, – улыбнулась госпожа Фонтен.

16. Что-то отдать, что-то приобрести

Ну вот, начинается, подумала Рита. Одного пусть ремонт делать, и вроде это по правилам, вторую – чтоб, на первый взгляд, тоже пользу принесла, но оплату она хочет не деньгами, а как-то иначе... Почему-то Рите начали вспоминаться какие-то сказки, где ни в коем случае нельзя было соглашаться на условия волшебных существ. Есть их пищу, пить их питьё, ночевать под их крышей...

Но её-то притащили сюда, не спросив, и ночь под крышей она провела, не приходя в сознание! И потом ела, пила, и всё другое делала, что надо. И что теперь?

Теперь надо смотреть проблеме в лицо. Или не проблеме. Рита не могла сказать толком ничего о ценностях этого дома – потому что шли только лишь четвёртые сутки её пребывания здесь. И она успела пересмотреть малую часть имеющихся в доме предметов. С одной стороны, что легко досталось, легко и отдать, но вдруг нельзя? Вдруг потом без этого будет сложно или невозможно? Вдруг какой-нибудь важный механизм разладится?

– Я вижу сомнения на вашем лице, дорогая моя. Скажите, что поможет их разрешить? – старая дама смотрела участливо. – Мы можем спросить Валентина.

– Да, пожалуйста, – Рита высунулась в коридор. – Валик! Иди сюда!

Топоток лапок, Валентин появляется в виде кота, но тут же становится человеком.

– Да, госпожа Маргарита, я слушаю вас.

– Госпожа Фонтен хочет за работу какие-то предметы из этого дома.

– Я предполагал такой вариант. Какие же?

– Да, госпожа Фонтен, какие же? – повторила за Валентином Рита.

– Веер королевы Аделаиды и ножницы матушки Элеоноры, – с поклоном сказала госпожа Фонтен.

– Что? – вытаращилась Рита.

Она-то знать не знала ни про какую королеву Аделаиду, и про матушку Элеонору тоже.

– Веер – я понимаю, – по-деловому кивнул Валентин. – Строго говоря, он никогда не принадлежал этому дому, он здесь только хранился. И раз вы, госпожа Анна, знаете о нём, то сможете и забрать. Если будет на то воля госпожи Маргариты. А про ножницы и я не знаю.

– Они... должны быть где-то здесь, – сказала госпожа Фонтен. – И если бы мы нашли их – то это бы изрядно облегчило мне работу.

– И как они выглядят, эти ваши ножницы? Размер, цвет? – хмуро поинтересовалась Рита.

Может быть, они ей и не нужны вовсе, эти ножницы, но попробуйте-ка убедите фондовика отдать что-нибудь, что он уже подгрёб себе своими загребушими ручками! Или хотя бы решил, что подгрёб.

– Золотые, не более ладони в длину, – ответила госпожа Фонтен.

Рита задумалась.

С одной стороны, ещё пять дней назад она и знать не знала об этом доме, а о ножницах услышала вообще вот только что. И почему же её скребёт ощущение неправильности происходящего?

– Понимаете, госпожа Фонтен, и ты, Валя, тоже. Мне сложно распорядиться предметами, которые все считают моими, но я сама их и в руках-то не держала ни разу, – сказала она. – Мне никто не дал описи всего, что содержится в доме. Что это, для чего служит, когда бытовало, почему вышло из употребления. Как попало в дом, кому принадлежало. Возможно, имея все эти сведения, я бы смогла более правильно распорядиться всем тем, что оказалось в сфере моей ответственности. Но пока я главным образом мою и чищу, и моя главная мысль – что мою я недостаточно чисто и шевелюсь недостаточно быстро. И вот ещё один довод, подтверждающий то, что шевелюсь я недостаточно быстро, – по-хорошему, мне нужно знать больше обо всём

том, что есть в доме. Потому что приходят люди, которые знают больше, и что-то хотят. Они хотят не просто так, а в уплату за большой объём работы для меня же, но – простите меня все, я совершенно не уверена в том, что оплата соответствует работе, и работа – оплате. Я не представляю, что это должны быть за предметы, ради обладания которыми я возьмусь шить кому-то кучу вещей. Или реставрировать, или ещё что-нибудь делать. Поэтому вам, госпожа Фонтен, придётся объяснить. И тебе, кошка драный, тоже придётся объяснить. Я уже встряла один раз с господином графом, больше не хочу.

– Я попытаюсь объяснить, госпожа Маргарита, – сказал кот.

А госпожа Фонтен всё это время внимательно слушала и очень серьёзно смотрела.

– Да уж, попытайся, – усмехнулась Рита.

– В доме... много разных вещей, – начал кот. – Есть просто вещи, а есть артефакты. Какие-то из них использовались по назначению, а какие-то – просто оказались в доме потому, что господин Гийом или кто-то ещё из хозяев собирал интересные вещицы.

– Коллекционеры хреновы, ага, – кивнула Рита. – Прошу прощения, Валичек, продолжай.

– Благодарю, – серьёзно кивнул кот. – И я думаю, что точное количество этих вещей не знает никто, и я тоже. И предназначение некоторых из них сейчас уже будет непросто установить. Госпожа Анна узнала о двух из них и желает получить их в награду за работу. Мне кажется, это хороший вариант, тем более что у нас с вами, госпожа Маргарита, недостаточно денег для оплаты её услуг, а её помощь нам нужна. Поэтому мне кажется, что два предмета из здешних запасов будут хорошим вариантом.

– Но даже ты сам не знаешь об одном из них ничего! Хреновый ты хранитель, Валечка.

– Получается, что да, – вздохнул он, да так горестно, что его тут же захотелось пожалеть.

– Госпожа Фонтен, что за ножницы вас интересуют? И откуда вы о них знаете? – строго спросила Рита.

Почтенная дама улыбнулась.

– Я давно живу на свете, дорогая, и очень давно интересуюсь разными магическими предметами, которые способны облегчить моё ремесло. У меня нет помощников, и если я буду шить каждый шов, как обычный человек, я буду работать во много раз медленнее, чем могла бы, и сошью намного меньше красивых вещей, чем хотела бы. Поэтому я несколько не стесняюсь того, что приходится использовать магию. И артефакты мне в помощь, – коротко поклонилась она. – А о ножницах я прочитала уже довольно давно. Их изготовили более двухсот лет назад для настоятельницы обители святой Гертруды, что неподалёку от Безансона, той самой матушки Элеоноры, а изготовил могущественный маг и великий артефактор. Эти ножницы умеют сами резать по нарисованной линии, главное – правильно расположить ткань на столе. И они аккуратно вырежут деталь самой прихотливой формы.

– Неплохо, – согласилась Рита. – А для чего той матушке были эти ножницы?

– В обители издавна промышляли магическими искусствами, тамошние сёстры были большими мастерами в бытовой и ремесленной магии. И швей там тоже всегда хватало.

– А сейчас как? – нахмурилась Рита.

– Увы, обитель была разрушена в конце прошлого века, в годы революции, террора и последующей смуты. Тогда убивали не только дворян, но и магов тоже. Если их удавалось поймать, конечно же. К сожалению, некоторых – удавалось, а бедные сёстры обители и вовсе не сопротивлялись.

– Их что, просто убили, и всё? – не поверила Рита.

– Да, – коротко кивнула госпожа Фонтен. – Но хранимые в обители артефакты не достались безмозглым захватчикам, потому что на них были наложены охранные чары. И уже после, когда восстановилась законная власть, сундук был найден, и скрытно, как я понимаю, переправлен сюда. Ножницы должны быть здесь.

– Ладно, предположим, – кивнула Рита. – А что там с веером?

– Некромантская штучка, – замахал лапами кот. – Никогда не трогал, и вам, госпожа Маргарита, не советую. Всё равно ничего хорошего не выйдет.

– Почему же? Что это за предмет и каковы его свойства? – продолжала упорствовать Рита.

– Потому что его сделал некромант для своей возлюбленной, которая не была не только некромантом, но и магом тоже. Говорят, этим веером можно отогнать смерть. Но только трижды, потом она всё равно придёт за тобой. Тот некромант, если верить легенде, расплатился за это свойство годами своей жизни, и смерть взяла его даже раньше, чем ту возлюбленную. А даму захотели выдать замуж против воли, и она откупилась от нежеланного брака этим предметом, поднеся его в дар самой королеве. Веер хранился в королевской семье много лет, уж не знаю, пользовались им там или нет. А когда иметь отношение к Роганам – королевской семье и их родичам – стало опасно и Роганы взялись прятать по разным потайным местам свои фамильные реликвии, то его, в числе некоторых других предметов подобного же непростого свойства, переправили сюда. Хранить.

– Но позволь, если этот предмет принадлежит королевской семье, то как ты собираешься отдать его за работу госпоже Фонтен? – поинтересовалась Рита.

– Этим предметом невозможно владеть. Им можно разве что воспользоваться, – покачала головой пожилая дама. – И как вам правильно сказал Валентин – только три раза. Я собираюсь так сделать... а потом верну его сюда, пусть дожидается других владельцев.

– А если вы вздумаете нарушить условия? – нахмурилась Рита.

В мире Риты это делали сплошь и рядом, да ещё и обмануть кого-нибудь считалось хорошим тоном, поэтому...

– Магические обещания не нарушают, госпожа Маргарита. А когда речь идёт о смерти, то – тем более не нарушают, – сказала госпожа Фонтен. – Я всего лишь хочу задержаться на этом свете чуть подольше, не более. И сама за то заплачу.

– Заплатите? – не поняла Рита.

– Что же, дорогая, вы думаете, такие вещи можно делать без последствий для себя? Конечно же, нет! – замахала руками госпожа Фонтен. – Но сейчас мне в большей степени есть дело до того, что происходит здесь, чем до посмертия, каким бы оно ни было.

– А что не так с посмертием? – продолжала расспрашивать Рита.

– Все подобные вещи грозят откатом в посмертии. Никто не знает, каким именно, потому что никто не вернулся и не рассказал, но все сходятся на том, что любые игры со смертью небезопасны.

И что, верить им? Вот просто брать и верить?

– И что же, Валентин, ты думаешь – мы с тобой можем так сделать? Расплатиться артефактами за услугу?

– Думаю, можем, – кивнул тот. – Помнится, в самом начале вы были готовы продавать тарелки, чтобы на эти деньги ремонтировать дом!

– Но я даже не знаю, где эти предметы, – честно сказала Рита.

– Вы узнаете, я не тороплюсь. Наше с вами дело не на один день, – ответила госпожа Фонтен.

Вообще поверить хотелось. И в сказках случалось, что приходилось что-то отдать и что-то взамен приобрести. Может быть, это тот самый случай?

– Хорошо, госпожа Фонтен. Я согласна на ваши условия, – кивнула Рита.

И внутри дома вновь тренькнули старые часы.

17. Проблески порядка

Рита расстроилась – не оттого, что придётся что-то отдать, а от ощущения беспомощности. Как будто с одной стороны от неё что-то зависит, а с другой – всё решено помимо неё, и уже давно. И она никак не может понять этих правил – что сделать, чтобы почувствовать себя на своём месте.

Пока она чувствовала себя каким-то свадебным генералом – без хозяйки нельзя, вот вам хозяйка. Будем ей кланяться и носить бумаги на подпись, а решать всё станем сами.

Может быть, на самом деле и не так, но ей почему-то казалось – так.

Рита оставила госпожу Фонтен в гостиной за освобождённым для неё столом, всех остальных также оставила за работами по расчистке для той же госпожи Фонтен двух комнат – спальни и рабочей, и ещё ванной, а сама пошла куда-нибудь, где не было никого и где можно было собраться с мыслями. Вроде бы на втором этаже был некий кабинет хозяина, так ей помнилось. И если она сейчас на хозяйском месте – то это её кабинет, и точка.

Кабинет располагался прямо возле лестничной площадки, и дверь в него оказалась плотно закрытой. Рита даже ощутила некое смущение – будто она заходит куда-то, где быть не имеет права, но это же не так? Она рывком открыла дверь и вошла.

Пыль, паутина – этим её не удивишь. Открыть большое окно настежь, обе створки. Эх, надо было сразу же прихватить ведро и тряпку! Ладно, ходим.

Рита принесла снизу ещё одно ведро и запас тряпок, закрыла за собой дверь и принялась вытирать пыль. Письменный стол – большой и широкий, покрытый тёмно-вишнёвым лаком. На стене – часы с маятником, стоят. Не те ли самые, которые ей тут тренькают по всякому поводу?

Рита влезла на стул, сняла короб со стены, тщательно протёрла пыль снаружи и осмотрела. Корпус часов закрывался на крючок, и тот крючок даже не проржавел, открылся без вопросов. Внутри лежал ключ, очевидно – им можно попробовать завести часы. После обеспыливания часовых внутренностей она так и сделала – вставила ключ в отверстие и несколько раз повернула до упора. Подтолкнула маятник. Часы подумали немного и послушно затикали. Отлично.

Она закрыла крышку, вернула часы на стенку и попутно смахнула тряпкой очередную порцию паутины.

Наконец-то удалось сформулировать свои ощущения – от дома, и всего, что вокруг него крутилось. Как будто ей пришлось принимать чьё-то чужое хранение, а хранитель уволился и сбежал, теряя тапки, потому что не вынес придинок начальства, объёма работы, треснувшей кожи на пальцах и маленькой зарплаты, а может – и чего-то одного из этого списка. И вот ты стоишь на пороге и смотришь – вроде даже порядок, и все предметы по полкам и шкафам разложены, и даже подписано – что и где, но копнёшь чуть глубже – и оказывается, что на этой полке в описи перечислено не всё, на эти предметы вообще никаких описей не составлено, часть предметов всегда на выставке, дома не ночуют и ни в какие документы не попали, кроме актов приёма в какие-то лохматые годы, о которых уже и не помнит никто. И от тебя ждут, что ты с пол-оборота во всём разберёшься, будешь на выставки всё быстро выдавать, и всю документацию вести, как надо, а ты смотришь и понимаешь, что даже чтобы просто каждый предмет в руках подержать, нужно столько времени, сколько у тебя никак нет. Но надо – уже, тебя ждут и подгоняют. И ты слушаешь о том, как у тебя всё плохо и запущено, и какой ты негодный хранитель, потому что не можешь порядок в своих предметах навести. А ты вроде и можешь, и даже – берёшь и понемногу делаешь, но всё равно недостаточно. Кто-то из начальства понимает и ничего не говорит. А кто-то – нет, и не считает нужным. И ты крутишься, как можешь.

И здесь, кажется, есть что-то похожее. Только начальства у Риты теперь нет, и плана работ нет, и нормы внесения информации в каталоги нет. Поэтому порядок-то мы наведём, но оно ж всё здесь не в один день таким вот стало? Поэтому не стоит ждать, что в один день и выправится. Сделаем – по мере сил. И возможностей. И так уже молодёжь вскоре взвоет – и мальчик, который вообще боевой маг, и девочки, из которых одна – барышня из состоятельной семьи и может такими глупостями вообще не заниматься.

Но сейчас – всё равно тряпку в руки и вперёд.

Мебели в кабинете было немного – стол, кресло, пара стульев, шкафы. В столе имелись ящички, из каждого торчал ключик. Почти из каждого – кроме одного. Рита принялась открывать ящички и вытаскивать на свет божий их содержимое. Бумаги, бумаги, бумаги. Надо прочитать. Только когда?

Вот тут – записи о налогах, поборах и ещё о чём-то схожем. Это в первую очередь. Вот здесь – личная переписка, кого-то с кем-то. Тоже прочитать бы, но – уже потом. А вот здесь ещё на каком-то языке. Не местном? Местный-то Рита вроде бы разобрала.

В шкафах стояли книги. О местной истории, о путешествиях, о магии. Эх, надо бы почитать хоть что-то из этого! Тут же имелись какие-то статуэтки, фигурки и штуки непонятного назначения, о которых, видимо, придётся консультироваться у Валентина.

Так, а это что? За дверцей шкафа обнаружилась ещё одна дверца. Сейф, что ли? Замочной скважины нет, только ручка. Рита взялась за неё... с громким «чпок!», будто была прилипшая, дверца открылась.

Коробки, ящички, шкатулки. Много. И вот тут – о радость, о награда! – Рита увидела опись. Оказалось, шкатулки пронумерованы, и кто-то добрый подписал – что в какой лежит. Чудо какое-то, наконец-то доля порядка в этом мире хаоса!

И что вы думали? Под номером восемь значился «веер королевы Аделаиды». Вот так-то. Рита взяла первую попавшуюся шкатулку – где-то ж должны быть их инвентарные номера! Сбоку не было, на задней панели – тоже, тогда она перевернула предмет дном вверх. Внутри что-то звякнуло.

На чистой до того досочке прямо на Ритиных глазах прорисовался номер. Чёткая и жирная цифра «семь». Эх, всегда бы так! Поглядел – и тут тебе номер, и в списке бы ещё этот номер сразу выделить!

В списке номер семь на мгновение подсветился зеленоватым светом. Мать моя женщина! Вот понять бы, как это сделано, и тогда здесь тоже можно жить!

Магическая система учёта настолько очаровала Риту, что она с упоением вытаскивала из сейфа одну коробку за другой и искала номер. Номера у всех появлялись на дне (она чуть было не сказала – на брюшке), а спустя пару мгновений в списке этот номер подсвечивался – ровно до того момента, пока Рита не находила его глазами. Чудненько, чудненько.

Она нашла коробку с номером восемь и отложила её. Протёрла с неё пыль – негоже выдавать предметы грязными, попробовала открыть коробку. Та открылась... и внутри Рита увидела закрытый веер с резным станом – из кости, судя по всему, и тканевым экраном с росписью. Но раскрыть и рассмотреть этот веер она побоялась, закрыла шкатулку и оставила её на столе.

Ножницы в списке не встретились. Ни матушки Элеоноры, ни чьи-либо другие. Значит, нужно искать дальше.

Рита сложила остальные коробки обратно в сейф. Список манил словами «зеркало», «колье», «кинжал», «шпилька» и другими, все они были какими-нибудь этакими, или чьими-то, но солнце уже опустилось за макушки деревьев и за горку, скоро станет совсем темно, а зажигать магические огни Рита не научилась.

– Домик-домик, а можно свет? – спросила она, ни на что особо не надеясь.

Оп – вспыхнула люстра. Десятка три магических лампочек, никак не меньше. Дома и светодиодные так не светили. Ну, вообще-то, правильно, если здесь работать – нужен свет.

Рита быстро завершила обеспыливание внешней части шкафов, поставила кресла и стулья на стол, вымыла пол и громко сказала:

– Спасибо за свет, можно выключить, я сейчас ухожу. Приду завтра, буду читать бумаги. И если можно, милый домик, запри дверь, пожалуйста.

Пока она выносила грязную воду на улицу и шла наверх, то придумала место, где могут быть ножницы. И наверху не пошла смотреть, как дела у молодёжи и что натворила госпожа Фонтен, а сразу двинулась в гардеробную с историческими платьями. Там вчера ей запомнился ящик со швейными принадлежностями, в том числе – с несколькими ножницами.

И точно – был такой ящик, в нём лежали ножницы – восемь штук. И одни были определённо золотого цвета. Рита прихватила их и отправилась к госпоже Фонтен.

Та при свете магического светильника рисовала что-то на тонкой белой ткани. Ах, да, ткань-то тоже есть, надо ей сказать.

– Госпожа Фонтен, вас устроят вот эти ножницы?

Старушка улыбнулась – будто ей неделю выходных пообещали, а не воз работы.

– Дорогая госпожа Маргарита, благодарю вас от всей души. Да, это они, то, что надо. С ними я раскрою для вас корсет и сорочку уже завтра утром.

– Да, завтра утром. Уже темнеет, все устали. Нужно заказать домику ужин, проведать нашу молодёжь, поужинать и отдыхать уже.

18. Легко ли одеть даму

Наутро кот нашёлся на своём законном месте – в ногах, и это было хорошо и приятно, его можно было почесать большим пальцем ноги, а он, довольный, мурлыкал и перебирал лапами. А после, когда Рита уже поднялась с постели и отправилась умыться, ходил по туалетному столику и что-то там вынюхивал и шевелил.

– Госпожа Маргарита, – промурлыкал он, когда она заглянула позвать его завтракать, – скажите, что это за удивительные статуэтки?

Он сам сидел, как статуэтка или мягкая игрушка, между её, Риты, куклами, случайно захваченными из дома, нервно шевелил хвостом и поглядывал подозрительно то на мальчика Жиля, то на барышню Марго.

– Это просто куклы, Валичек, – пожалала плечами Рита. – Дома я шила на них одежду и продавала – тем, у кого есть такие же куклы, коллекционерам. А здесь, я думаю, таких нет.

– А почему у них такие большие головы? – продолжал недоумевать кот.

– Ты только разглядел? – рассмеялась Рита. – Это такие специальные куклы, вроде реальные, а вроде и нет, – и поскольку это объяснение ну никак не помогло коту, то она добавила: – Ума у них много, потому и большие.

И фыркнула ещё, представляя, что там может быть, в том уме.

– А ещё они умеют смотреть в разные стороны, гляди, – она взяла Марго, нашла у неё специальный шнурок и дёрнула за него.

Взгляд куклы из прямого стал направленным вбок, и цвет глаз стал чуть темнее. Риту это немало восхищало, а некоторых знакомых пугало до отвращения. Может быть, ей удастся сшить им что-нибудь по здешней моде?

Валентин ещё раз обнюхал обеих кукол, подёргал хвостом, прыгнул на пол и выбежал из комнаты. А Рита открыла окно, впуская внутрь солнце, и пошла за ним.

В гостиной уже собрались все обитатели дома. Госпожа Фонтен что-то рассказывала – кажется, о событиях давних дней.

– Да, деточка, я ещё помню то время, когда здесь был хозяин, я-то тогда была совсем маленькой девочкой и не очень-то понимала, кто он таков и чем знаменит. Но господин Люсьен приезжал к моему отцу, и они обсуждали что-то важное, а я тихонько сидела в углу со своей куклой, и меня даже не отправили в детскую – наверное, подумали, что от меня никакого вреда не случится. И только много лет спустя я поняла, что они обсуждали как раз сохранность сокровищ в доме – в то время, когда никакого законного хозяина не останется. А к тому шло – господин Люсьен был вдовцом, детей у него не случилось, его госпожа Маргарита к тому моменту давно умерла. И, как видите, всё сохранилось!

– Доброе утро, молодёжь, доброе утро, госпожа Фонтен. Скажите, будьте добры, и что же, дом тогда был новым и красивым?

– Новым его бы не назвал никто, а вот красивым – да, конечно. Стены были увиты плющом, а вокруг стен были разбиты клумбы – не только с колокольчиками, но ещё и с другими цветами, самыми разными.

О да, цветы. Было бы неплохо, на самом-то деле. Рита давно хотела клумбу – но ей было негде её разбить. Дача, некоторое время бывшая в их с Сенькой распоряжении, находилась далеко от города, и ездить туда поливать каждый день было довольно-таки непросто. Высаживать цветы на газоне во дворе дома она бросила после того, как их пару раз выкосили ретивые косильщики, и даже предъявить претензии было некому – они просто не смотрели, где сорняки и трава, а где всё лишнее выполото и цветут анютины глазки, ирисы, настурции и алиссум.

– Скажите, госпожа Фонтен, а рассаду в городе продают? Цветов и всякой полезной травы – лук там, укроп, петрушка?

– Я думаю, у кого-нибудь найдётся лишняя. Опять же, по воскресеньям в городе ярмарка, съезжаются жители со всей округи. Вам нужно будет съездить и присмотреться, что там вообще есть.

Ярмарка – это хорошо.

– И когда ближайшая?

– Послезавтра, но я боюсь, что к этому сроку мы вас ещё не оденем, не успеем. А вот в следующее воскресенье – уже, я думаю, можно будет и в город вас отправить.

Значит, сегодня – пятница. Наверное, если у них тут всё так же, и в неделе семь дней.

– Поживём – увидим, – не стала спорить Рита. – А пока прошу к столу.

Домик расстарался – в тарелках оказалась какая-то вкуснейшая каша, к ней масло и молоко, и ещё оладьи, и хлеб, и сыр, и кофе. Благодарить. И у печки стоять не надо – пока. Кто его знает, вдруг и в готовку тоже надо будет вкладываться, чтоб работало? Или они тут разумные, и понимают, что или кормить такую ораву, или уборкой заниматься?

И после завтрака она как раз собралась идти продолжать уборку, только вот нужно бы понять – где, но её притормозила госпожа Фонтен.

– Дорогая госпожа Маргарита, вы нужны мне для примерки.

– Да, госпожа Анна, – кивнула Рита. – Идёмте.

Они отправились в комнаты, выделенные госпоже Фонтен, и оказалось, что с утра она уже успела основательно пустить корни в той, что ей выделили под мастерскую. Туда ещё вчера доставили два больших стола, и Валентин говорил, что проверил магическое освещение, чтоб работало – вдобавок к естественному, из большого окна. На одном столе была разложена ткань – белая льняная, а на втором лежали какие-то смётанные предметы, Рита с ходу не поняла какие.

А потом госпожа Фонтен встряхнула один из них, и это оказалась сорочка. Белая сорочка, без излишеств. Рядом лежали, как поняла Рита, панталоны. Ладно, будем одеваться.

Сорочка доходила до середины бёдер и оставляла открытыми плечи. Панталоны не были сшиты по шаговому шву. В теории Рита знала, что так и было, и понимала, почему оно так – да потому, что ту суровую конструкцию, которую носили на себе дамы в таких платьях, так просто не снимешь и не наденешь. А туалетные надобности никто не отменял. И горшок не стоял стационарно, а его брали и пристраивали себе там, под кринолином. Или даже не сами пристраивали, а при помощи служанки – потому что юбки, огромные и тяжёлые, жутко неудобные.

Рита подумала – а может быть, дома она будет ходить, как привыкла? И уж только если ей понадобится наружу – то одеваться, как у них здесь принято? Ладно, подумаем. Потом.

Госпожа Фонтен осталась довольна тем, что увидела, и сказала: это сегодня сошьём, а корсет – раскроим. И нельзя ли ей в помощь Эрмину Руа – девочка умеет держать иголку в руках, не растеряется.

Рита не возражала – пусть помогает. И предложила сходить в историческую гардеробную и осмотреть там сундук с тканями – авось что сгодится.

Сундук притащили в мастерскую Филипп и Валентин – за ручки, очень удачно торчавшие сбоку. И Рита вместе с госпожой Фонтен и девочками принялась изучать его содержимое. А там было на что посмотреть!

Лен – белый, а после магической очистки, которую применила Эрмина, ставший снежно-белым. И ещё – чёрный и зелёный. И шерсть – зелёная, коричневая, тёмно-синяя, серая. Узорчатый хлопок с набивным рисунком. И ещё какие-то ткани, которым Рита и названия-то не знала – потому что не встречалась с ними в прошлой жизни.

Шёлк однотонный – золотистый, голубой, персиковый, алый – и узорчатый, в «огурцах» и розах. Бархат – чёрный, вишнёвый и голубой.

Несколько мотков кружева – очень хорошего плетёного кружева. И шёлковые ленты.

И даже несколько кусков кожи – белой, серой, коричневой.

Ну что, Ритка, хоть в чём-то повезло, думала хозяйка всего этого великолепия. А госпожа Фонтен удовлетворённо кивала.

– Я думаю, что дневное платье мы из этого с вами сошьём, даже два – полегче и потеплее. И к ним шляпки. Но, дорогая, нужны чулки, туфли, и – криолин. Или, по-хорошему, два – пошире и поуже. Нужно отправить Валентина в город, к Аделин Мюссе и к чулочнице Авроре, а вот об обуви придётся подумать, её надлежит шить по мерке. Я подумаю, не беспокойтесь.

– Может быть, обойдёмся минимально необходимым? – вздохнула Рита.

– Нет, госпожа Маргарита. Вы поступили по отношению ко мне очень щедро, и я готова сделать всё, чтобы представление вас нашему здешнему свету прошло гладко. А для этого нужны все названные предметы, и ещё немного.

Вызванный Валентин выслушал инструкцию: взять деньги, которые даст ему госпожа Фонтен, и ещё записки от неё же к названным дамам, и отправляться в город – немедленно. И не возвращаться, пока не купит всё по списку. А деньги – деньги в счёт того, что дала госпожа Маргарита, беспокоиться не следует. Деньги можно взять с любой клиентки, а магические артефакты – более ни с кого, и точка.

Так и вышло, что Валентин отправился в город, Эрмина села шить вместе с госпожой Фонтен, а Рита подхватила Бабетту и Филиппа и отправилась дальше приводить дом в порядок.

19. Преображение

Всю следующую неделю жили по установившемуся распорядку: госпожа Фонтен шьёт, Эрмина ей помогает, Рита и остальные моют и чистят. Валентин в случае необходимости едет в город и что-то оттуда привозит. Так он привёз кринолин, три пары чулок и мастера-сапожника, который снял с ног Риты мерки и обещал к следующей пятнице сшить пару башмачков.

Кринолин Риту напугал.

Нет, ей доводилось видеть такие штуки в современном мире – но обычные, свадебные. Какие продавались в свадебных салонах или приезжали с алиэкспресса. Юбка из сеточки и три-четыре кольца. Или ленточки и несколько колец. Они были лёгкими, потому что вся ткань в них была синтетической, и сталька – тоже лёгкой, их можно было свернуть восьмёркой и сложить в пакет. Надюшке на свадьбу такой выписывали, и юбка на нём лежала красивыми пышными складками.

Валентин же привёз нечто в продолговатой коробке – и хороших размеров была та коробка! Оказалось, что в ней лежит конструкция из полутора десятков слегка сплюснутых колец, соединённых между собой плотной репсовой лентой. Пояс из такой же ленты завязывался спереди на бант.

Рита примерила... и вздохнула. Габариты, как у «КамАЗа». И ещё на это всё сверху надеть юбки, а вниз – штаны и корсет! Она никогда не мечтала о платье настоящей принцессы – потому что, будучи историком, представляла, насколько оно неудобно. Даже деловой костюм с узкой юбкой – и то удобнее!

Несколько лет назад для музея купили платье конца девятнадцатого века. Оно было или совсем новым, или практически новым, и сто с гаком лет пролежало где-то в сундуке – потому что отлично сохранилось. Все складки держались, будто были заложены вчера, маленькие косточки поддерживали пояс, все крючки застёжки были на месте, и ни один не заржавел, к юбке по подолу была пришита на руках широкая полоса ткани – чтоб собирать на себя грязь, а потом – отпороть её, постирать и снова пришить на место. Что ж, пока это платье не было описано на основной фонд и не стало экспонатом, его перемеряли все сотрудники фондов. Для этих целей Рита раздобыла у приятельницы корсет – Маринка танцевала старинные танцы и ходила на балы, у неё такое диво в гардеробе водилось. И уже на тот корсет примеряли платье.

Так случилось, что именно на Риту платье село лучше, чем на кого-либо другого, но и она рискнула разве что одеться и немного походить в нём по музею. И сфотографироваться, конечно же. И подумала – как сложно было тем, кто это носил каждый день. Потому что в джинсах, бывает, идёшь и запинаешься, а вот так, когда не видно ног и на тебе куча ткани, и того хлеще.

Но Маринка говорила, что всё это – дело привычки. Наверное, она права, привыкнуть-то можно ко всему.

И дальше примерки пошли в каком-то невероятном темпе – Рита только и знала, что по зову Эрмины бежать откуда-нибудь, быстро сбрасывать своё родное платье и надевать на себя вот это всё.

«Вот это всё» включало сорочку, штаны и корсет. Все материалы на корсет оказались у госпожи Фонтен с собой – и косточки, и застёжка, и шипчики для установки чего-то вроде люверсов под шнуровку. При помощи Эрмины и каких-то магических приспособлений дело шло быстро, во всяком случае, корсет сшили в два дня. Госпожа Фонтен сразу же предложила Рите надеть и не снимать, но Рита с ужасом отказалась – мол, будет приходиться одеваться, сколько нужно. Потому что жизнь в корсете и жизнь без корсета... в общем, это оказались две разные жизни.

, Большое зеркало, специально установленное в мастерской, показывало очень неплохую фигуру – не стройную, как в двадцать, но и не дряблую, как в спортивных штанах и растянутой футболке, а дома такое бывало сплошь и рядом. Плотную, подтянутую, со всеми нужными округлостями и даже с талией – на контрасте с бёдрами и грудью. Лишние объёмы перераспределились по Рите достаточно гармонично, и госпожа Фонтен сказала, что Рита красавица и грех прятать такую красоту в странной одежде. Рита не понимала в такой красоте ровным счётом ничего, так и сказала. Ну, разве что грудь у неё, гм, хорошего размера и формы, а корсетом ещё неплохо приподнялась – если красиво обтянуть платьем, то декольте получится весьма и весьма. Но смотрят ли на грудь здешние мужчины – ещё вопрос, да и сдались ей те мужчины вообще-то! Тут несколько уже отметились, так им дом был нужен, а до неё вообще никакого дела не было.

Правда, госпожа Фонтен подрезала Ритины фантазии на лету со словами, что декольте – только на бальном платье, а мы сейчас шьём дневное. Бальное потом. Можно будет даже для начала просто сделать отдельный бальный лиф к той же юбке – с короткими рукавами и декольте. Но это потом, а пока – вырез под горло, кружевной воротник – нужно поискать в запасах, длинные рукава и шляпка. И перчатки, обязательно перчатки, даме без перчаток нельзя. И зонтик...

Так вот, про корсет, чтоб его, и ещё мать его корсетную, чтоб ей там, где она есть, было хорошо. На второй день Рита ожидаемо заколебалась снимать-надевать-шнуровать, и госпожа Фонтен снова предложила не раздеваться между примерками. Ещё и чтобы привыкнуть – а то если целый день в корсете с непривычки, так это тяжёло.

Рита вздохнула – и согласилась. И теперь носила под платьем панталоны, сорочку и корсет. И надо сказать, многое поняла про здешних женщин, не поняла только, как выживают служанки.

– Скажи, Бабетта, а ты тоже носишь корсет? – спросила как-то Рита.

– Конечно, госпожа Маргарита, потрогайте, – рассмеялась девочка.

Рита потрогала её бок – и вправду, там под лифом платья было что-то плотное. Бабетта рассказала, что у неё корсет не с металлическими костями, как у Эрмины, а простёган верёвкой. Так тоже делают, и так немного проще работать, чем в жёстком.

Они вместе сортировали одежду в бывшей гардеробной – чтобы точно знать, что там есть, и что из этого ещё можно будет использовать. Сколько каких предметов в их распоряжении, состояние сохранности, где висят или лежат – ну, чтобы по нормальному уже, а не методом тыка. Рита по ходу составляла на скорую руку топоописи – пока просто со списками и общим количеством предметов, ну там «кружево узкое – три мотка, среднее – два мотка, широкое – один моток, очень широкое – один моток». Сколько мужских камзолов и штанов, и жилеток, сколько дамских платьев, сколько нижних юбок и сорочек. В каком состоянии и можно ли переделать и носить. Кстати, нашлись фижмы – две проволочных корзинки, которые привязывались по бокам для силуэта, только вот они Рите совсем никуда не подходили, и два корсета – голубенький и песочного цвета. Но оба они были не той формы, как сказала госпожа Фонтен, да и маловаты для Риты.

Зато ей удалось приспособить под свои нужды три найденные шерстяные юбки и пару рубах в неплохом состоянии – без потёртостей и откровенных дыр. Рита собственноручно эти рубахи простирала, потом высушила на солнышке, потом отутюжила, и можно было носить. С юбками поступила так же – к счастью, от здешней холодной воды шерсть не дала усадки. А может быть, ткань когда-то декатировали, перед тем, как кроить и шить. Впрочем, сколько времени всё это лежало – тут что угодно могло произойти! Ткань от времени может и дать ту самую усадку, и свалиться, и деформироваться.

Стирка и глажка в этом благословенном месте представляли собой тот ещё квест. Вода исправно поступала из колодца во дворе и ручейка на задворках, в теории её умели нагреть и

Валик, и Филя, и Эрмина, и, как подозревала Рита, мадам Фонтен. На практике все они были при деле, и отрывать людей от того дела – себе дороже. Поэтому Рита брала кусок мыла и шла стирать на тот ручей.

Нет, можно было и магией почистить, но – это потом. Сначала всё равно стирка. Была бы тут у них химчистка – отдала бы в химчистку. А так – своим рукам Рита доверяла сильно больше, чем всей здешней магии.

А к уюту тоже пришлось привыкать. Утюги здесь были, как смеялись Ритины домашние знакомцы, беспроводные – их нагревали на печке. Никакую печку никто не топил, и даже камины никто не топил, но – маги брали этот уют, ставили и нагревали руками. Утюгов нашлось целых три – два греются, одним гладишь, или один перегрелся и остывает немного, и только потом ты им гладишь. Два большие, один маленький, меньше ладони размером, для рюшек и кружев. К утюгам прилагались ажурные металлические подставки. Дома у Риты в хранилище таких была целая полка, но – почти все они были покрыты ржавчиной, и она бы не рискнула без долгой предварительной подготовки касаться таким утюгом ткани. Здесь же все три были в хорошем состоянии сохранности, не грязные, не ржавые, а пыль стереть – дело одной минуты. В общем, Рите пришлось научиться управляться с такими чудесами не только как хранителю, но и – в самом что ни на есть обычном, бытовом смысле. Ничего, научилась.

И в итоге она теперь ходила по дому в новом белье, корсете, шерстяной юбке из гардеробной и рубаше оттуда. И ещё фартук там же добыла. Неудобнее всего было мыть полы – потому что толком не согнёшься, а швабры нет. Пришлось нарисовать на листе бумаги эту самую швабру и попросить Валика добыть – и он добыл. Где именно – ничего не сказал, но – убираться стало проще.

Так вот, про здешних женщин. Походу, те, кто носит такие вот жёсткие корсеты, просто-напросто не убираются. За них это делают другие, у кого корсет проставлен верёвкой или вовсе никакого корсета нет. А Рите нужно и убираться, и учиться носить эту хренову одежду, так что...

Когда вечером первого дня Рита раздевалась перед тем, как лечь спать, то оказалось, что дрянной предмет надавил ей бока. Там, где были швы у сорочки, и ещё под мышками – прямо до стёртой кожи. Это было больно, обидно, и главное – даже и помазать-то нечем, чтобы быстрее зажило. Утром Рита нажаловалась мастерице, и та вздохнула, а потом прикосновением сняла боль и убрала потёртости. И сказала, что сегодня зашнурует не так туго. В тот день и вправду стало легче.

А ещё оказалось, что этот дрянной корсет не наденешь без посторонней помощи. Нет, надеть-то можно, и даже худо-бедно завязать, а вот затянуть – уже нет.

– Вам нужна горничная, – сказала госпожа Фонтен.

– Где ж я её возьму? – опешила Рита.

– Найдём, госпожа Маргарита, – отмахнулась Эрмина. – Вот в город поедем, и там найдём. А пока вам Бабетта поможет.

И Бабетта исправно помогала – шнуровала, затягивала, застёгивала.

В четверг Бабетту тоже призвали в мастерскую – госпожа Фонтен и Эрмина не справились даже при помощи магической иглы, или нескольких волшебных игл, которые у них всё равно что сами шили, Рита видела. Тогда Рита махнула рукой, объявила перерыв до отдельного объявления, отпустила мужчин заниматься, чем они хотят, и тоже пошла в мастерскую. Валик тут же перекинулся в кота и пошёл с ней, а Филипп попросил разрешения посидеть в библиотеке и почитать, Рита не отказала.

И два последних дня они шили всё вчетвером. Рита посмеивалась про себя – что вот бы машинку сюда, хоть бы и просто ручную. Госпожа Фонтен сказала, что – есть, просто это предмет очень редкий, и оттого дорогой. Поэтому она шьёт по старинке – магией.

И в субботу настал, наконец, тот день, когда можно было примерить весь комплект целиком.

Одевали Риту в шесть рук – госпожа Фонтен, Бабетта и Эрмина. А перед тем Бабетта ещё и волосы ей как-то там уложила по местной моде, и очень сокрушалась, что они коротковаты, и узла хорошего из них не сделаешь. Тогда госпожа Фонтен сунула ей в руки какую-то штуку, которую Бабетта с радостным воплем укрепила где-то в недрах Ритиных волос, и прикрыла сверху, и ещё какие-то ленточки укрепила тоже. Рита сидела лицом к зеркалу в своей спальне и не видела, что там у неё сзади, но ей казалось, что на личике куклы Марго невероятное изумление.

А потом пришлось встать, пойти в мастерскую и уже там надевать обувь – после сорочки, панталон и чулок, потому что потом во всей конструкции не согнёшься, а затем – корсет, кринолин, на кринолин – две плотных юбки, и уже поверх – платье. От платья тоже сначала юбку – в три яруса, широченную, но по кольцам кринолина она распределилась хорошо, и лиф – с двойными длинными рукавами, на перламутровых пуговичках.

На лиф госпожа Анна приколотла брошь, на голову Рите надели шляпку из той же ткани, что и платье, украшенную такими же кружевами и лентами, и цветочками из той же ленты, в руки дали перчатки – найденные в здешней гардеробной и магически почищенные.

Рита подошла к зеркалу... и не узнала себя.

Знакомой плотной фигуры с заметным животиком в зеркале не отразилось вовсе. У глядящей изнутри дамы были совсем другие габариты и совсем другой силуэт. Она обладала покатыми плечами, высокой грудью, и вполне нормальной талией – на контрасте с широченной юбкой. Лишнего подбородка не было особо видно из-за шляпных лент, а из-под полей шляпки кокетливо выглядывала пара завитков. И что уж говорить, эта картинка Рите очень понравилась.

Все три местных дамы переглядывались, восторженно кивали и поздравляли друг друга с удачным завершением проекта, а любопытные кавалеры, которым, наконец-то, тоже разрешили зайти и посмотреть, сначала постояли столбом, а потом принялись выражать своё восхищение – Валентин громко и многословно, а Филипп – тихо и осторожно.

Но когда Рита попыталась сделать шаг... то первым же делом наступила себе на юбку и чуть не завалилась.

– Госпожа Маргарита, осторожнее, богом молю, – госпожа Анна подскочила к ней и помогла удержаться на ногах. – Приподнимите немного юбку, вот так. Сделайте несколько шагов.

И дальше примерно полчаса Рита училась во всём этом ходить. И простые движения в такой конструкции оказались невероятно сложными! Особенно – по лестнице, вверх и вниз. Рита мысленно взвыла и подумала, что лучше уж толстой в своём платье, чем вот так!

И в финале она просто села в изнеможении на ступеньку лестницы и сказала, что никуда уже сегодня больше не пойдёт.

Коллектив отнёсся с пониманием, ей помогли подняться, отвели обратно в мастерскую и там разоблачили.

– Не печальтесь, госпожа Маргарита, завтра будет проще, а потом – ещё проще, – напутствовала её после ужина госпожа Фонтен.

Но завтра предстояло ехать в город, и эта поездка страшила Риту необыкновенно.

20. Насущные нужды

Утром Рита думала, что проснётся раньше всех, но визит в город не дал спать никому. Госпожа Фонтен и Эрмина очень гордились получившимся вчера результатом, но и себя ведь нужно было представить в выгодном свете, поэтому портниха уже с рассвета что-то подшивала и подкалывала на нарядном платье Эрмины. Накануне Рита выдала для этих целей моток ленты и кружево, и ещё просто так – набор иголок и ножницы из местных запасов, и несколько катушек шёлковых ниток. Потому что была очень благодарна девочке за помощь. Бабетта тоже получила моток ленты, и кружева, и ещё тонкого льняного полотна на новую сорочку. Был шанс, что господин мэр скажет дочери возвращаться домой, и по этому поводу нужно было держаться во всеоружии. На всякий случай Рита от души поблагодарила обеих девочек за помощь и пригласила приезжать просто в гости – она будет рада.

Как-то без разговоров стало понятно, что госпожа Фонтен и Валентин едут в город, а Филипп – остаётся. Он замотал головой на предложение составить компанию – нет, ему и тут хорошо, он пока книжки почитает, ему это нужнее. Ну и пусть.

А после завтрака началась пытка платьем. Рита вдохнула, выдохнула и разрешила себя одевать. И хорошо, что накануне попробовали всё, и одежду, и причёску, потому что иначе провозились бы до обеда. А так довольно быстро всех собрали, вывели наружу, где уже стоял тот самый чёрный лаковый экипаж, запряжённый четвёркой. И что-то в том экипаже было не так, но Рита не могла сообразить, что именно.

Валентин сел на место кучера, а дамы погрузились внутрь. И хоть Рита собиралась смотреть в окно и любоваться пейзажами, оказалось, что нужно крепче держаться – потому что на каждой неровности и каждом камне её карета подсакивает так, что хочется нехорошо ругаться. И это она дома ругала водителей автобусов, что резко тормозят, резко стартуют с места и подпрыгивают на каждом «лежачем полицейском»! Да она просто плохого не видела, вот.

А здесь это, кажется, хорошее.

Вот так и прошли полчаса – Риту, кажется, даже немного укачало, и она надеялась, что это с непривычки и пройдёт. А потом грунтовая дорога сменилась на мостовую, и карета подпрыгивала уже на камнях мостовой. А потом и вовсе остановилась.

Валентин сам открыл дверь и подал Рите руку, и это было не вежливостью, а необходимостью.

– Прошу вас, госпожа Маргарита.

А затем помог выбраться госпоже Фонтен, Эрмине и Бабетте.

Рита огляделась. Они находились на небольшой, совсем небольшой площади. Сюда выходила фасадом церковь – о, здесь есть церковь! Во что они тут верят, интересно бы узнать? И кроме церкви – несколько домиков с вывесками. К одному из них и поспешил Валентин, Рита пошла за ним и прочитала вывеску – «Господин Луи Буасси, нотариус».

– В воскресенье он в конторе только с утра, но вдруг мы ещё не опоздали? – подмигнул он совершенно по-кошачьи и попробовал открыть дверь.

Дверь открылась, а внутри дома звякнул колокольчик.

– Кого там ещё принесло в воскресенье? – раздалось недовольное из недр дома.

– Господин Буасси, к вам есть неотложное дело, – промурлыкал кот.

– Валентин? И что вам тут? Завтра приезжайте! – Рита слышала, как кто-то спускался со второго этажа по скрипучей лестнице.

– А я хотел представить вас госпоже Маргарите первым, – сказал кот вкрадчиво. – Но если вы не желаете, что ж, я представлю ей кого-нибудь ещё, в нашем славном городе много достойных людей.

– Что-что вы сказали? – к дверям спустился толстяк, вот прямо шарообразный толстяк, на ходу застёгивающий пуговицы сюртука. – Госпожа Маргарита? Та самая?

– Я другой не знаю, – важно ответил кот. – Госпожа Маргарита, это господин Буасси, наш нотариус.

Толстяк поклонился – довольно изящно, несмотря на свои немалые габариты.

– Как я рад вас видеть, уважаемая госпожа Маргарита! – из недовольного он стал приятным. – Валентин, благодарю вас за это чудное знакомство, кто бы знал, что таинственная госпожа Маргарита – столь прелестная женщина!

Он ещё и ручку взялся поцеловать – прямо в перчатке, как есть. И совершенно не подумал о том, что она этой перчаткой уже с утра где только не хваталась – и дома, и в карете, и теперь ещё вот здесь.

– Господин Буасси, – кивнула Рита, – я тоже рада знакомству. Но у нас к вам дело, не можете ли?

– Конечно, я готов помочь прелестной даме! Пройдёмте в контору, госпожа, вы присядете, я распоряжусь, чтобы подали арро, и выслушаю вас.

Контора выглядела солидно – натуральное дерево и натуральная кожа в отделке, массивный стол, стулья с мягкими сиденьями, бархатные портьеры.

– Может быть, девочкам пока съездить домой? – нахмурилась Рита, неизвестно же, сколько тут просидеть придётся, чиновники быстро не умеют. – И госпоже Анне, она тоже собиралась?

– Увы, я не захватил кучера, – пожал плечами кот. – Но если господин Буасси позволит попросить своего Жерома, тот развезёт наших дам по домам, пока мы тут будем решать дела.

Господин Буасси пришёл, радостно потирая руки, дозволил воспользоваться его слугой, даже сам кликнул его и велел развезти дам по домам и вернуть экипаж госпожи Маргариты к порогу.

– Итак, госпожа Маргарита, чем могу служить? – спросил он, усевшись за стол напротив Риты и Валентина.

– Госпожа Маргарита имеет вот такую бумагу, – кот всё равно что из воздуха вытащил подписанный Ритой документ. – И желает засвидетельствовать его по всей форме.

– Позвольте взглянуть, – господин Буасси взял документ и внимательно его прочитал, сощурился свои маленькие чёрные глазки. – Насколько я вижу, всё в порядке, все формальности соблюдены и документ подлинный, – произнёс он наконец.

Вошла служанка в чёрном платье и переднике, поставила на край стола поднос с кофейником и маленькими чашечками, и ещё там были сливочник, сахарница и вазочка с печеньем. Разлила кофе, спросила Риту, как ей подать. Хозяину налила сливок и положила сахар, коту пододвинула чёрный.

– Мне со сливками, пожалуйста, – кивнула Рита.

Получила свою чашку и наблюдала, как нотариус записывает какие-то данные в большую толстую книгу, глядя на её документ. Он же поставил точку, отложил перо и обратился к ней.

– Отныне, госпожа Маргарита, вы полноправный член нашей городской общины, о чём я сделал запись в реестре землевладельцев. И ещё сейчас подпишу и вашу бумагу тоже, таков обычай.

Он и вправду поставил свою подпись на документе – другим пером, и она оказалась столь же красной, как подпись самой Риты и подпись господина Гийома.

– Благодарю, – кивнула Рита. – И что я должна сделать ещё?

– Навестить господина Талона, нашего банкира. Он сообщит вам о состоянии вашего счёта, и с ним же нужно будет решить вопрос об уплате налогов.

– За какой это срок? – нахмурилась Рита.

Она как представила, что ей сейчас влепят задолженность и ещё пени какие-нибудь за весь срок, что дом стоял бесхозным, и ей прямо поплохело.

– Не могу сказать точно, – пожал плечами нотариус. – Все детали договора по налогообложению этой собственности хранятся в банке, семья Талонов очень неохотно делится сведениями о своих клиентах, а о таких удивительных, как владельцы дома господина Гийома, – и подавно.

– Валентин, можем мы посетить этого господина Билета, тьфу, Талона прямо сейчас? – спросила Рита. – До него далеко ехать?

– Дойти, дорогая госпожа Маргарита, дойти. Это здесь же, на площади, через дом.

– Вот и отлично, – кивнула Рита, поднимаясь. – Благодарю вас, господин Буасси, что мы должны вам за документ? Пошлину или что там ещё?

– Да, госпожа Маргарита, пятнадцать франков. Но я не настаиваю на немедленном платеже, – поспешил он добавить, глядя на её нахмуренные брови. – Посетите господина Талона, а завтра или послезавтра загляните ко мне. Помнится, было некое письмо, адресованное наследникам господина Гийома, и было оно уже довольно давно. Если бы я знал, что вы навестите меня, я бы его отыскал, но ваше появление сегодня стало для меня сюрпризом, и поэтому я оказался не готов. Но я непременно найду его, тогда и рассчитаемся.

– Хорошо, – медленно произнесла Рита и кивнула. – Мы подумаем, как предупредить вас о визите. А сейчас спасибо и до встречи.

Валентин многословно поблагодарил и распрощался, перед тем спрятав подписанный документ – очевидно, туда же, откуда перед тем достал. Взял Риту под руку и повёл на улицу.

– Ну что же, госпожа Маргарита, всё не так уж и плохо, – зашептал он снаружи. – Пойдёмте к Талону: уверяю вас, он тоже захочет познакомиться и примет вас сегодня.

– Может, нужно было бы и впрямь подождать до завтра? – неуверенно спросила Рита.

– Завтра и у Буасси, и у Талона будет очередь из желающих их посетить, а сегодня нет никого, – усмехнулся кот. – И мы этим пользуемся.

– Тогда идём! – сказала Рита с воодушевлением.

Через дом, аккуратно напротив величественной церкви, располагалось трёхэтажное здание, по три окна в каждом этаже. В первом этаже по центру располагалась дверь, и вывеска над ней гласила: «Банк семьи Талон».

– Это частный банк, да? – нахмурилась Рита.

Доверия к частному банку у неё было немного.

– Да, очень хороший, у Талонов отделения на востоке страны и на юге, и есть филиалы в Империи, и на Полуночных островах, кажется, тоже. Наш здешний Талон – всего-навсего двоюродный кузен главы фамилии, а во многих других городах и вовсе служат наёмные управляющие!

Ну если так, думала Рита, то ещё, может, и ничего. К своему люди обычно относятся хорошо и трепетно. И о репутации думают.

Кот точно так же, как и у нотариуса, заглянул внутрь и колокольчиком привлёк внимание хозяина.

– Закрыто, уважаемый господин Валентин! – сообщили изнутри громким голосом.

– Добрый день, господин Гаспар, – кот снова включил свою кошачью умильность. – А к вам госпожа Маргарита.

– Та самая, что ль? – недоверчиво переспросил громкий голос.

– А как же. От господина Буасси – и сразу к вам.

– И что, он вас принял?

– Именно так, дорогой господин Гаспар.

– Проходите, – дверь перед Ритой открылась, и её приветствовал обладатель громкого голоса.

В отличие от нотариуса здешний банкир был тощ и высок. Но жилет его был с серебряными пуговицами, и цепочка от часов отличалась толщиной и замысловатым плетением. Да и сами часы, наверное, были недешёвыми.

– Здравствуйте, – кивнула ему Рита.

– Рад вас приветствовать, дорогая госпожа Маргарита, – поклонился банкир. – Гаспар Талон к вашим услугам. Вы желаете узнать о состоянии счёта?

– Да, господин Талон.

– Сожалею, но прямо сейчас я вам полную справку не выдам, потому что к такому делу следует хорошенько подготовиться, но – кое-что скажу, скажем, о доходах последнего года.

Доходы – это хорошо, думала Рита, когда они с Валентином шли за банкиром в его офис.

Офис занимал первый этаж дома и состоял из нескольких комнат. Очевидно, их привели в некую вип-зону, потому что здесь стоял обитый голубым шёлком диван, по стенам висели гравюры, изображающие, вероятно, местные виды – горы и лес, и цветочки, и хозяин тоже кликнул кого-то, чтоб подали заваренного чайного листа. А сам углубился в какую-то весьма толстую книгу.

– Госпожа Маргарита, будьте любезны предъявить документ, подтверждающий ваше право на собственность господина Гийома, – сказал он.

– Прошу, – Валентин повторил манёвр с доставанием из воздуха.

Гаспар Талон внимательно изучил бумагу, поскрёб ногтем подписи – все три, и с поклоном подал обратно Валентину.

– Благодарю вас. В таком случае я готов рассказать, что ваши вклады, госпожа Маргарита, приносят прибыль – не огромную, но стабильную. Все данные я подготовлю, скажем, ко вторнику – вас устроит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.